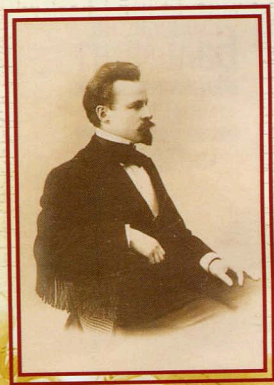

Константин
Бальмонт

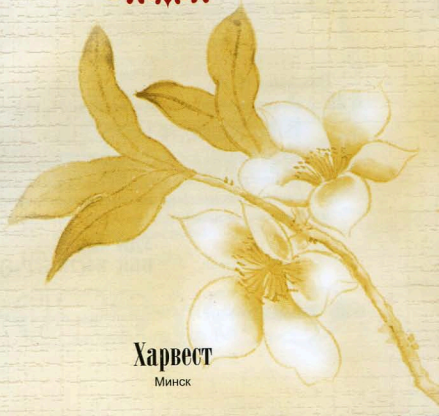
ЛИРИКА

Константин Бальмонт

ЛИРИКА

Харвест
Минск

Скан
Ewgeni23

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)
Б 21

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Бальмонт К. Д.

Б 21 Лирика. — Минск: Харвест. — 512 с.: илл.

ISBN 978-985-16-5302-3

Книга представляет собой сборник стихов русского поэта Константина Бальмонта (1867—1942), иллюстрированный репродукциями и изображениями произведений русского искусства.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-985-16-5302-3

© Подготовка, оформление.
Харвест

БАЛЬМОНТ

Все, кто умеет ценить поэзию, как самостоятельную стихию, — не только те ее области, в которых она родится с другими стихиями, но и те, в которых она совершенно беспримесна, исключительна или даже прямо враждебна всем другим стихиям, — все твердо знают, что Бальмонт — поэт бесценный...

Я знаю то совсем особое чувство, которое испытываешь, перелистывая некоторые страницы Бальмонта: чувство, похожее на весеннее. У каждого поэта есть свой аромат, и у Бальмонта — свой, ни на кого не похожий. Это точно так же, как человек, который обладает особенно сильной индивидуальностью, или особенно важен, или близок и дорог, — имеет свой, ему одному присущий запах. Не знаю, свойственно ли такое ощущение всем, — для меня оно очень важно...

<1909>

Александр Блок

Б. И. Орловский. Сатир и вакханка.
1837 г. Санкт-Петербург

Слова любви

Слова любви всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,
Как в час предутренний — звезда;
Они журчат, как ключ в пустыне,
С начала мира и доньше,
И будут первыми всегда;
Всегда дробясь, повсюду цельны,
Как свет, как воздух, беспредельны,
Легки, как всплески в тростниках,
Как взмахи птицы опьяненной,
С другою птицею сплетенной
В летучем беге, в облаках.

В. И. Демут-Малиновский. Похищение
Прозерпины. 1811 г. Санкт-Петербург

* * *

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты — солнце во мраке ненастья,
Ты — жгучему сердцу роса!

Любовью к тебе окрыленный,
Я брошусь на битву с судьбой.
Как колос, грозой опаленный,
Склонюсь я во прах пред тобой.

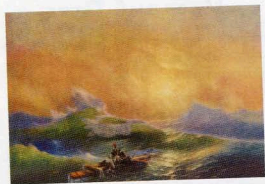
За сладкий восторг упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы ценой преступленья —
Тебя я хочу!

Л. Л. Каменев. Зимняя дорога
(х., м., 34×58,2, 1866)

Млечный Путь

Месяца не видно. Светит Млечный Путь.
Голову седую свесивши на грудь,
Спит ямщик усталый. Кони чуть идут.
Звезды меж собою разговор ведут.
Звезды золотые блещут без конца.
Звезды прославляют господу творца.
«Господи», — спросонок прошептал ямщик,
И, крестясь, зевает, и опять поник,
И опять склонил он голову на грудь.
И скрипят полозья. Убегает путь.

И. К. Айвазовский. Девятый вал
(х., м., 221×332, 1850)

В непознанный час

И новые волны
В непознанный час,
Всё новые волны
Вставали для нас.

Шумели, сверкали
И к дали влекли,
И гнали печали,
И пели вдали:

«Гляди, погляди же,
Как бездна светла!
Всё ближе и ближе
Лазурная мгла!»

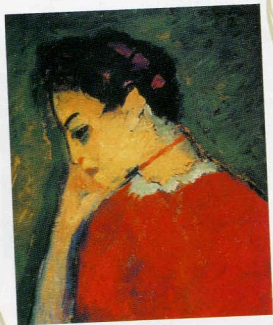

И. К. Айвазовский. Черное море. 1881 г.
Холст, масло. 149×208. Москва.

Как синие горы,
Упавшие вниз,
Морские узоры
В громаду слились.

Закрыли громадой
Меня и тебя.
Я гибну с отрадой,
Я гасну любя.

В загадочном взоре,
Волнуясь, тону
И слушаю в море
Морскую волну.

А. фон Явленский. Женский портрет
(карт., м., 54×44, 1909)

Она как русалка

Она как русалка, воздушна и странно-бледна,
В глазах у нее, ускользя, играет волна,
В зеленых глазах у нее глубина — холодна.

Приди — и она обоймет, заласкает тебя,
Себя не жалея, терзая, быть может, губя,
Но всё же она поцелует тебя — не любя.

И миг отвернется, и будет душою вдали,
И будет молчать под луной в золотистой пыли,
Смотря равнодушно, как тонут вдали — корабли.

Р. Г. Судковский. Прозрачная вода
(х., м., 78×125, 1879—1885)

Полоса света

Море чуть мерцает под луной
Зеркалом глубоким и холодным.
Веет сном и грустью неземной,
Чем-то дальним, сладостным, свободным.

Точно дух навек ушедших дней
Встал в тени немых воспоминаний,
Стал шептать слышней и всё слышней
Сказку счастья с музыкой рыданий.

Светочем болезненным сверкнул,
Ярко вспыхнул дрогнувшей слезою,
Прожил миг — и в бездне утонул,
Бросив свет широкой полосою.

И. Н. Крамской. Неизвестная. 1883 г.
Холст, масло. 75,5×99. Москва

Я знал

М. А. Лохвицкой

Я знал, что, однажды тебя увидав,
Я буду любить тебя вечно.
Из женственных женщин богиню избрав,
Я жду — я люблю — бесконечно.

И если обманна, как всюду, любовь,
Любовью и мы усладимся.

И если с тобою мы встретимся вновь,
Мы снова чужими протиснемся.

А в час преступленья, улыбок и сна
Я буду — ты будешь — далеко,
В стране, что для нас навсегда создана,
Где нет ни любви, ни порока.

Я. Ф. Капков. Вдовушка
(х., м., 47,2×44,6, 1851)

Немая тень

Немая тень среди чужих теней,
Я знал тебя, но ты не улыбалась, —
И, стройная, едва-едва склонялась
Под бременем навек ушедших дней, —

Как лилия, смущенная волною,
Склоненная над зеркалом реки, —
Как лебедь, ослепленный белизною
И полный удивленья и тоски.

5 марта 1896

К. А. Сомов. Дама, снимающая маску.
По модели 1905 г. Москва

До последнего дня

Быть может, когда ты уйдешь от меня,
Ты будешь ко мне холодней.
Но целую жизнь, до последнего дня,
О друг мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.
Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.

И будет мучительно-сладостный миг:
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь — и вспомнишь меня.

А. Бенуа. Водный партер
(бум., гуашь, акв., 31,2×49,1, 1905)

Тишина

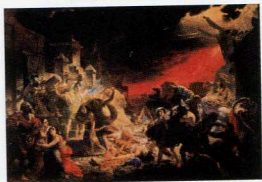
Чуть бледнеют янтари
Нежно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спят купавы, спит камыш.

Задремавшая река
Отражает облака,
Тихий, бледный свет небес,
Тихий, темный, сонный лес.

В этом царстве тишины
Веют сладостные сны,
Дышит ночь, сменяя день,
Медлит гаснущая тень.

В эти воды с вышины
Смотрит бледный серп луны,
Звезды тихий свет струят,
Очи ангелов глядят.

<1896>

К. П. Брюллов. Последний день
Помпеи. 1833 г. Санкт-Петербург

«Прости!»

Кто услышал тайный ропот вечности,
Для того беззвучен мир земной, —
Чья душа коснулась бесконечности,
Тот навек проникся тишиной.

Перед ним виденья сокровенные,
Вкруг него безбрежность светлых снов,
Легче тучек, тихие, мгновенные,
Легче грезы, музыка без слов.

Он не будет жаждаť избавления,
Он его нашел на дне души, —
Это в море час успокоения,
Это парус, дремлющий в тиши.

Белый парус, в синих даях тающий,
Как «прости» всего, что рок унес,
Как привет, в последний раз блистающий,
Чтоб угаснуть, там — вдали — без слез.

Осень 1897. У развалин Помпеи

В. А. Серов. Девочка с персиками. 1887 г.
Холст, масло. 91×85. Москва

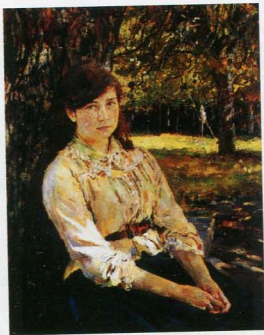
Отверженный

Отчаянье истерзанной души,
В свидетели тебя призываю,
Что я не спал в изнеженной тиши,
Что я не шел к заманчивому раю.

Я светлого покоя не хотел,
Боясь забыть о тех, на ком проклятье, —
Меня манил мучительный удел,
Меня влекли отверженные братья.

Не ангелы, а демоны со мной
Печальную дорогу совершили,

И дни мои в обители земной
Развевались, как гряда темной пыли.

В. А. Серов. Девушка, освещенная солнцем.
Портрет М. Я. Симанович. 1888 г.

Пламя

Нет. Уходи скорей. К восторгам не зови.
Любить? — Любя, убить — вот красота
любви.

Я только миг люблю — и удаюсь прочь.
Со мной был яркий день — за мной
клубится ночь.

Я не люблю тебя. Мне жаль тебя губить.
Беги, пока еще ты можешь не любить.
Как жернов буду я для полудетских плеч.
Светить и греть?.. — Уйди! Могу я
только жечь.

В. А. Серов. Петр I. 1907 г.
Картон, темпера. 68,5×88. Москва

Полуразорванные тучи

Полуразорванные тучи
Плывут над жадною землей;
Они, спокойны и могучи,
Поют весь мир холодной мглой.
Своими взмахами живыми
Они дают и дождь и тень,
Они стрелами огневыми
Сжигают избы деревень.

Есть души в мире — те же тучи,
Для них земля — как сон, как твердь;
Они, спокойны и могучи,
Даруют жизнь, даруют смерть.
Рабы мечты и сладострастья,
В себе лелеют дар певца,
Они навек приносят счастье,
И губят, губят без конца.

Н. И. Подключников. Кусково
(х., м., 83×159, 1839)

Вечер

Удвоены влагой сквозною,
Живя неземной белизною,
Купавы на небо глядят.
И дремлют прибрежные травы,
И внемлют их вздохам купавы,
Но с ними вздохнуть не хотят.

На озере, тихом и сонном,
Наскучив путем раскаленным,
Качается огненный лик, —
То солнце, зардевшись закатом,
На озере, негой объятom,
Лелеет лучистый двойник.

И тучка — воздушная нега,
Воздушной нагорного снега —
На воды глядит с вышины, —
Охвачена жизнью двойною,
Сквозя неземной белизною,
Чуть дышит в улыбке волны.

Весна 1897. Оксфорд

М. И. Бочаров. Горный пейзаж с озером
(х., м., 97,5×137, 1854)

* * *

От последней улыбки луча
На горах засветилася нега,
И родились, блестя и журча,
Два ключа из нагорного снега.
И сбегая с вершины горы,
Обнимаясь в восторге едином,
Устремились в иные миры —
К отдаленным лугам и долинам.
И в один сочетались ключ, —
Он бежал, прорезая узоры.
Но от мрака разгневанных туч
Затуманились хмурые горы.
И последняя ласка луча
Потонула в туманной печали.
И холодные капли ключа
На остывшую землю упали.

<1896>

Ф. Ф. Щедрин. Венера. 1792 г.
Санкт-Петербург

К Шелли

Мой лучший брат, мой светлый гений,
С тобою слился я в одно.
Меж нами цепь одних мучений,
Одних небесных заблуждений
Всегда лучистое звено.

И я, как ты, люблю равнины
Безбрежных стонущих морей,
И я с душою андрогины,
Нежней, чем лилия долины,
Живу, как тень среди людей.

И я, как свет, вскормленный тучей,
Блистаю вспышкой золотой.
И мне открыт аккорд певучий
Неумирающих созвучий,
Рожденных вечной красотой.

<Апрель 1896>

В. В. Верещагин. Побежденные. Панихида.
1877—1879 гг. Москва

Равнина

Как угрюмый кошмар исполина,
Поглотивши луга и леса,
Без конца протянулась равнина
И краями ушла в небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звезд прикоснулась вдали,
Затенив мировое убранство
Монотонной печалью земли.

И далекие звезды застыли
В беспредельности мертвых небес,
Как огни бриллиантовой пыли
На лазури предвечных завес.

И в просторе пустыни бесплодной,
Где недвижим кошмар мировой,
Только носится ветер холодный,
Шевеля пожелтевшей травой.

Декабрь 1896

И. Н. Крамской. Христос в пустыне.
1872 г. Москва

Звезда пустыни

Иногда в пустыне возникают голоса,
но никто не знает, откуда они.

Слова одного бедуина

1

О господи, молю тебя, приди!

Уж тридцать лет в пустыне я блуждаю,

Уж тридцать лет ношу огонь в груди,

Уж тридцать лет тебя я ожидаю.

О господи, молю тебя, приди!

Мне разум говорит, что нет тебя,

Но слепо я безумным сердцем верю,

И падаю, и мучаюсь, любя.

Ты видишь: я душой не лицемерю,

Хоть разум мне кричит, что нет тебя!

О, смилуйся над гибнущим рабом!

Нет больше сил стонать среди пустыни.

Зажгись во мраке огненным столбом,

Приди, молю тебя, я жду святыни.

О, смилуйся над гибнущим рабом!

1897. Париж

А. А. Иванов. Явление Христа Марии
Магдалене после Воскресения. 1835 г.

2

Только что сердце молилось тебе,
Только что вверилось темной судьбе, —
Больше не хочет молиться и ждать,
Больше не может страдать.

Точно задвинулись двери тюрьмы, —
Душно мне, страшно от шепчущей тьмы,
Хочется в пропасть взглянуть и упасть,
Хочется бога проклясть.

3

О даятель немых сновидений,
О создатель всемирного света,
Я не знаю твоих откровений,
Я не слышу ответа.

Или трудно тебе отзываться?
Или жаль тебе скудного слова?
Вот уж струны готовы порваться
От страданья земного.

Не хочу славословий заемных, —
Лучше крики пытаемых пленных,
Если ты не блистаешь для темных
И терзаешь смиренных!

47

Гурий Никитин. Вседержитель на
престоле (дер., темп., 1686)

5

Но замер и ветер средь мертвых песков,
И тише, чем шорох увядших листьев,
Протяжней, чем шум океана,
Без слов, но слагаясь в созвучия слов,
Из сфер неземного тумана
Послышался голос, как будто бы зов,
Как будто дошедший сквозь бездну веков
Утихий полет урагана.

49

Алевиз Фрязин. Архангельский собор
в Москве. 1505—1509 гг.

«Я откроюсь тебе в неожиданный миг —
И никто не узнает об этом,
Но в душе у тебя загорится родник,
Озаренный негаснущим светом.
Я откроюсь тебе в неожиданный миг.
Не печалься. Не думай об этом.

Ты воскликнул, что я бесконечно далек, —
Я в тебе, ты во мне безраздельно.
Но пока сохрани только этот намек:
Всё — в одном. Всё глубоко и цельно.
Я незримым лучом над тобою горю,
Я желанием правды в тебе говорю».

О. А. Кипренский. Дмитрий Донской на
Куликовом поле. 1805 г. Санкт-Петербург

Кинжальные слова

I will speak daggers.

*Hamlet**

Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!
Упоение покоя —
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!

* Я буду говорить резко. Гамлет (англ.).

Ф. С. Журавлев. Дети-нищие
(х., м., 66×54,5, 1860-е)

В глухие дни Предание

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова,
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба!
Хлеба!» —

Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот, озверены и неодеты, —
И сны осуществлялись наяву.

В. Г. Перов. Проводы покойника. 1865 г.
Холст, масло. 45,3×57. Москва

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы парили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля,
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

Ангел. Миниатюра Евангелия Хитрово.
Начало XV в. Москва

Ангелы опальные

Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей, —
Грустные, безбольные
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей, —
Взоры полусонные,
Нежные, влюбленные,
Дымкой окаймленные
Тонкие черты, —
То мои несмелые,
То воздушно-белые,
Сладко-онемелые
Легкие цветы.

П. Н. Крылов. Белый шиповник
(бум., акв., 23×27, 1964)

Чувственно-неясные,
Девственно-прекрасные,
В страстности бесстрастные
Тайны и слова, —
Шорох приближения,
Радость отражения,
Нежный грех внушения,
Дышащий едва, —
Зыбкие и странные,
Вкрадчиво-туманные,
В смелости неожиданные
Проблески огня, —
То мечты, что встретятся
С теми, кем отметятся,
И опять засветятся
Эхом для меня!

<1899>

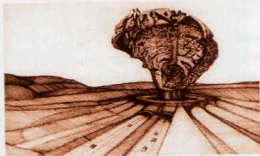

И. К. Макаров. Портрет Е. С. Казнаковой
(х., м., 116×87, 1861)

Слова любви

Слова любви, не сказанные мною,
В моей душе горят и жгут меня.
О, если б ты была речной волною,
О, если б я был первой вспышкой дня!

Чтоб я, скользя чуть видимым сияньем,
В тебя проник дробящейся мечтой, —
Чтоб ты, моим блеснув очарованьем,
Жила своей подвижной красотой!

Э. Неизвестный. Древо жизни.
1968—1976 гг.

Среди камней

Я шел по выжженному краю
Каких-то сказочных дорог.
Я что-то думал, что — не знаю,
Но что не думать — я не мог.
И полумертвые руины
Полузабытых городов
Безмолвны были — как картины,
Как голос памятных годов.
Я вспоминал, я уклонялся,
Я изменялся каждый миг,
Но ближе-ближе наклонялся
Ко мне мой собственный двойник.
И утомительно мелькали
С полуослепшей высоты,
Из тьмы руин, из яркой дали,
Неговорящие цветы.
Но на крутом внезапном склоне,
Среди камней, я понял вновь,
Что дышит жизнь в немом затоне
Что есть бессмертная любовь.

Г. М. Манизер. Портрет С. С. Манизер
(х., м., 72×63, 1895)

Я буду ждать

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда.

Ты вся — безмолвие несчастья,
Случайный свет во мгле земной,
Неизъясненность сладострастия,
Еще не познанного мной.

Своей усмешкой вечно-кроткою,
Лицом, всегда склоненным ниц,
Своей неровною походкою
Крылатых, но не ходких птиц

К. А. Сомов. Дама в голубом
(х., м., 103×103, 1897—1900)

Ты будишь чувства тайно-спящие, —
И знаю, не затмит слеза
Твои куда-то прочь глядящие,
Твои неверные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости —
Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты неожиданная
Иль нерожденная звезда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

Ф. С. Рокотов. Портрет неизвестной
в розовом платье. 1770-е гг. Москва

Нежнее всего

Твой смех прозвучал серебристый,
Нежней, чем серебряный звон, —
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

Нежней, чем признание во взгляде,
Где счастье желанья зажглось, —
Нежнее, чем светлые пряди
Внезапно упавших волос.

Нежнее, чем блеск водоема,
Где слитное пение струй, —
Чем песня, что с детства знакома,
Чем первой любви поцелуй.

Нежнее всего, что желанно
Огнем волшебства своего, —
Нежнее, чем польская панна,
И значит — нежнее всего.

Н. В. Синеzubов. Девушка у дома
(х., м., 80×59,5, 1927)

Рассвет

Медленные строки

Я помню... Ночь кончалась,
Как будто таял дым.
И как она смеялась
Рассветом голубым.

Безмолвно мы расстались,
Чужие навсегда.
И больше не видались.
И канули года.

И память изменяла,
Тебя я забывал.
Из бледного бокала
Блаженство допивал.

И новыми огнями
Себя я ослепил.
И дни ушли за днями,
И жизнь я вновь любил.

М. И. Песков. Офицеры на бивуаке
(карт., м., 25,5×36,5, 1862)

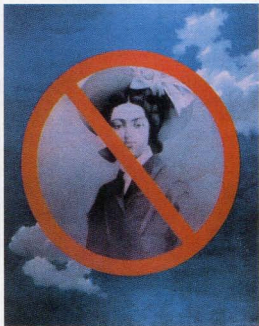
Не жизнь, а прозябанье
В позорном полусне:
Я пил без колебанья,
Искал мечты в вине.

И вот хохочут струны,
Бесчинствует порок,
И все душою юны:
Рассвет еще далек.

Смелеет опьяненье,
И сердцу жизнь смешна.
Растаяли сомненья,
Исчезла глубина.

И крепко спят упреки.
И манят вновь и вновь —
Подкрашенные щеки,
Поддельная любовь.

И миг забвенья длится,
И царствует вино...
Но кто это глядится
Сквозь дальнее окно?

Э. С. Гороховский. Без названия
(х., м., 110,5×91,5, 1980)

Но кто это смущает
Туманностью лица
И молча возвещает,
Что правде нет конца?

То чудится мне снова,
В последний миг утех,
Рассвета голубого
Немой, холодный смех.

И пляшущие тени
Застыли, отошли.
Я вижу вновь ступени,
Забытые вдали.

И всё, чем жил когда-то,
Я снова полюбил.
Но больше нет возврата
К тому, чем прежде был.

Зловещая старуха,
Судьба глядит в окно.
И кто-то шепчет глухо,
Что я погиб давно.

Н. Е. Вечтомов. Черное солнце
(х., м., 65×70, 1990)

В тюрьме

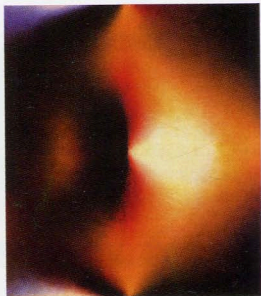
Мы лежим на холодном и грязном полу,
Присужденные к вечной тюрьме.
И упорно и долго глядим в полумглу:
Ничего, ничего в этой тьме!

Только зыбкие отсветы бледных лампад
С потолка устремляются вниз.
Только длинные шаткие тени дрожат,
Протянулись — качнулись — слились.

Позабыты своими друзьями, в стране,
Где лишь варвары, звери да ночь,
Мы забыли о солнце, звездах и луне,
И никто нам не может помочь.

Нас томительно стиснули стены тюрьмы,
Нас железное давит кольцо,
И, как духи чумы, как рождения тьмы,
Мы не видим друг друга в лицо!

<1899>

О. С. Васильев. Композиция
(х., м., 79,5×70, 1968)

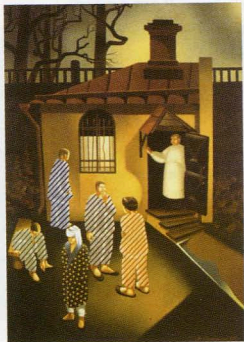
Раненый

Я насмерть поражен своим сознанием,
Я ранен в сердце разумом моим.
Я неразрывен с этим мирозданием,
Я создал мир со всем его страданием.
Струя огонь, я гибну сам, как дым.

И понимая всю обманность чувства,
Игру теней, рожденных в мире мной,
Я, как поэт, постигнувший искусство,
Не восхищен своею глубиной.

Я сознаю, что грех, и тьма во взоре,
И топь болот, и синий небосклон —
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сон.

Но видя в жизни знак безбрежной воли,
Создатель, я созданием не любим.
И весь дрожа от нестерпимой боли,
Живя у самого себя в неволе,
Я ранен насмерть разумом моим.

В. А. Овчинников. Палата № 6
(х., м., 140×99, 1985)

Проклятие глупости

Сонет

Увечье, помешательство, чахотка,
Падучая и бездна всяких зол,
Как части мира, я терплю вас кротко,
И даже в вас я таинство нашел.

Для тех, кто любит чудищ, всё находка, —
Иной среди зверей всю жизнь провел,
И как для закоснелых пьяниц — водка,
В гармонии мне дорог произвол.

Люблю я в мире скрип всемирных осей,
Крик коршуна на сумрачном откосе,
Дорог житейских рывтины и гать.

На всем своя — для взора — позолота.
Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять!

<1899>

Леонид Фейнберг. Каин и Авель.
Иллюстрация к книге. 1965 г.

Уроды *Сонет*

Я горько вас люблю, о бедные уроды,
Слепорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшие свободы,
Ладьи, разбитые веселостью волны.

И вы мне дороги, мучительные сны
Жестоким матери, безжалостной Природы, —
Кривые кактусы, побег белады,
И змей и ящериц отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убийство и беда,
Гоморра и Содом, слепые города,
Надежды хищные с раскрытыми губами, —

О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами!

М. Г. Манизер. Рабочий. Рельеф.
1920 г. Гипс

Кузнец

Ты видала кузнеца?
Он мне нравится, мой друг.
Этот темный цвет лица,
Эта меткость жестких рук,

Эта близость от огня,
Этот молот, этот стук, —
Всё в нем радует меня,
Милый друг!

Я хочу быть кузнецом,
Я, работая, пою,
С запыхавшимся лицом
Я смотрю на жизнь мою,
Возле дыма и огня
Много слов я создаю,
В этом радость для меня, —
Я кую!

<1899>

А. В. Гине. Морской пейзаж
(х., м., 1860)

ДУХ ВОЛНЫ

Я слушал море много лет,
Свой дух ему предав.
В моих глазах мерцает свет
Морских подводных трав.

Я отдал морю сонмы дней,
Я отдал их сполна.
И с каждой песней всё слышней
В моих словах — волна.

Волна стозвучная того,
Чем полон океан,
Где всё — и юно и мертво,
Всё правда и обман.

М. Г. Манизер. Рабочий. Рельеф.
1920 г. Гипс

Кузнец

Ты видала кузнеца?
Он мне нравится, мой друг.
Этот темный цвет лица,
Эта меткость жестких рук,

Эта близость от огня,
Этот молот, этот стук, —
Всё в нем радует меня,
Милый друг!

Я хочу быть кузнецом,
Я, работая, пою,
С запыхавшимся лицом
Я смотрю на жизнь мою,
Возле дыма и огня
Много слов я создаю,
В этом радость для меня, —
Я кую!

<1899>

А. В. Гине. Морской пейзаж
(х., м., 1860)

ДУХ ВОЛНЫ

Я слушал море много лет,
Свой дух ему предав.
В моих глазах мерцает свет
Морских подводных трав.

Я отдал морю сонмы дней,
Я отдал их сполна.
И с каждой песней всё слышней
В моих словах — волна.

Волна стозвучная того,
Чем полон океан,
Где всё — и юно и мертво,
Всё правда и обман.

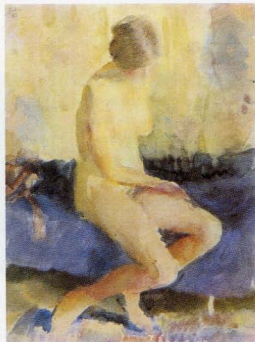

Ф. М. Матвеев. Пейзаж с водопадом
(х., м., 1810-е)

И я, как дух волны морской,
Среди людей брожу.
Своей певучею тоской
Я всех заворю.

Огнем зелено-серых глаз
Мне чаровать дано.
И много душ в заветный час
Я увлеку на дно.

И в этой мгле морского дна,
Нежней, чем воды рек,
Им будет снится вышина,
Погибшая навек.

В. В. Лебедев. Обнаженная
(бум., акв., 39,5×30, 1927)

Хвала сонету

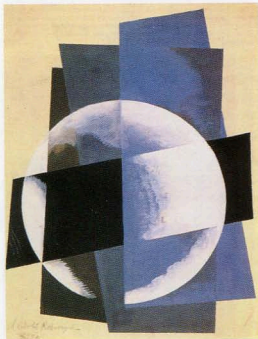
Сонет

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменной твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой,

Чей стан воздушный с грудью молодой
Хранит сиянье матового света
В волне волос недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодета.

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты, —
Но иногда он мстит своим напевом.

И не однажды в сердце поражал
Сонет, несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал.

Л. А. Козинцева. Беспредметное
(бум., т., 38×29, 1922)

Ожесточенному

Я знаю ненависть, и, может быть, сильнее,
Чем может знать ее твоя душа больная,
Несправедливая и полная огней
Тобою брошенного рая.

Я знаю ненависть к звериному, к страстям
Слепой замкнутости, к судьбе неправосудной
И к этим тлеющим кладбищенским костям,
Нам данным в нашей жизни скудной.

Но, мучимый, как ты, терзаемый года,
Я связан был с тобой безмолвным договором,
И вижу, ты забыл, что брат твой был всегда
Скорей разбойником, чем вором.

С врагами — дерзкий враг, с тобой —
я вечно твой,

Я узнаю друзей в одежде запыленной.
А ты, как леопард, укушенный змеей,
Своих терзаешь, иступленный!

Л. Ф. Лагорио. Нормандский берег
(х., м., 80×121,8, 1859)

От умершего к живому

Скажи ему, что я его люблю,
Что я его, как прежде, понимаю
И, как корабль к чужому кораблю,
Взываю в час, когда я погибаю, —

К нему, к нему, далекому навек,
Бегущему по водам океана,
Чтоб отдохнуть на устьях мощных рек
Средь стройных мачт родного каравана, —

Меж тем как я, свой образ изменив,
Не соразмерив тяжести влекомой,
Забыв, что был и я, как он, красив,
Склоняюсь к бездне жутко-незнакомой, —

И ветры безучастные молю
Протяжностью своих предсмертных звонов...
Скажи ему, что я его люблю
За то, что он — не слышал этих стонов!

И. Я. Вишняков. Портрет Ксении
Тишиной. 1755 г. Рыбинск

После бала

Весь полный розовых и голубых мечтаний,
Овеян душностью влюбляющих духов,
Весь в крыльях бабочек, в отливах трепетаний
Полуисторгнутых, но замедлённых слов, —

Окутан звуками заученных мелодий,
Как будто созданных мечтой лишь для того,
Чтоб убаюканным шептаться на свободе
О том, что сладостней и вкрадчивей всего, —

Весь воплощенная полуночная чара,
Как пир среди чумы, манящий с давних пор,
Как странный вымысел безумного Эдгара,
Для нас пропевшего навеки «Nevermore»,* —

* «Никогда» (англ.).

А. П. Антропов. Портрет Т. А. Трубецкой.
1761 г. Москва

Наш бал, раскинутый по многошумным
залам,

Уже закончил лик сокрытой красоты,
И чем-то вяло холодным и усталым
С внезапно дрогнувшей над нами высоты.

Да, полночь отошла с своею пышной свитой
Проникновеннейших мгновений и часов,
От люстры здесь и там упал хрусталь разбитый,
И гул извне вставал враждебных голосов.

Измяты, желтизной подернулись лица,
Крылом изломанным дрожали веера,
В сердцах у всех была дочитана страница,
И новый в окнах свет шептал: «Пора! Пора!»

И вдруг все замерли, — вот скорбно доцветают,
Стараясь продлить молчаньем забытье:
Так утром демоны колдуний покидают,
Сознавши горькое бессилие свое.

К. И. Рудаков. Дон Кихот и Санчо
Панса. 1947 г.

Разлука Сонет

Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто меня не любит,
Как мать-сыра-земля.
Песня бродяги

Есть люди, присужденные к скитаньям.
Где б ни был я, — я всем чужой, всегда.
Я предан переменчивым мечтаньям,
Подвижным, как текучая вода.
Передо мной мелькают города,
Деревни, села с их глухим страданьем.
Но никогда, о сердце, никогда
С своим я не встречался ожиданьем.
Разлука! След чужого корабля!
Порыв волны — к другой волне, несхожей.
Да, я бродяга, топчущий поля.
Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любит, как земля!

<1899>

Н. П. Крымов. Пейзаж с рекой
(карт., м., 73×96, ок. 1918)

Лесные травы

Я люблю лесные травы
Ароматные,
Поцелуи и забавы
Невозвратные.

Колокольные призывы
Отдаленные,
Над ручьем уснувшим ивы
Полусонные.

Очертанья лиц мелькнувших
Неизвестные,
Тени сказок обманувших
Бестелесные.

Всё, что манит и обманет
Нас загадкою
И навеки сердце ранит
Тайной сладкою.

А. И. Куинджи. Солнечные пятна
(кл., м., 24,4×27,2, 1876—1890)

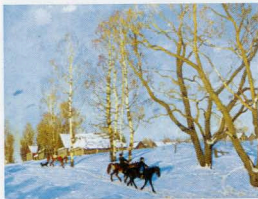
Аромат солнца

Запах солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.

В солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной
И смолистою сосной.

Нежно-светлоткаными
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

К. Ф. Юон. Мартовское солнце
(х., м., 107×142, 1915)

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пеньем птиц,
Дышит смехом юных лиц.

Так и молви всем спешам:
Будет вам!
Не узреть вам райских врат.
Есть у солнца аромат,
Сладко внятный только нам,
Зримый птицам и цветам!

М. К. Клодт. Долина реки Аа
в Лифляндии (х., м., 97×160, 1862)

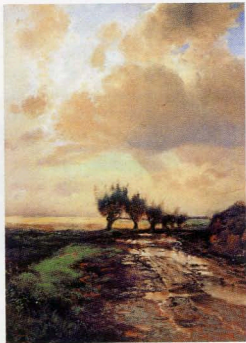
Последний луч

Прорезав тучу, темную, как дым,
Последний луч, в предчувствии заката,
Горит угрюмо, — он, что был живым
Когда-то!

Тесниной смутных гор враждебно сжата,
Одна долина светом золотым
Еще живет, блистательно-богата.

Но блеск упал к вершинам вековым,
Где нет ни трав, ни снов, ни аромата...
— О да, я помню! Да! Я был живым
Когда-то!

<1899>

А. К. Саврасов. Проселок
(х., м., 70×57, 1873)

Равнина

Необозримая равнина,
Неумолимая земля —
Леса, холмы, болота, тина,
Тоскливо-скудные поля.

Полгода — холод беспощадный,
Полгода — дождь и душный зной,
Расцвет природы безотрадной
С ее убогою весной.

Полупогаснувшие взоры
Навек поблекшего лица,
Неизреченные укоры,
Порабощенность без конца.

Невоплощенные зачатия, —
О, трижды скорбная страна,
Твое название — проклятье,
Ты навсегда осуждена.

В. Д. Сверчков. Натюрморт. Цветы
(дер., м., 77×49,5)

* * *

Нам нравятся поэты,
Похожие на нас,
Священные предметы,
Дабы украсить час —

Волшебный час величья,
Когда, себя сильнее,
Мы ценим без различья
Сверканья всех огней, —

Цветы с любим узором,
Расцветы всех начал,
Лишь только б нашим взорам
Их пламень отвечал, —

Лишь только б с нашей бурей
Сливался он в одно,
От неба или фурий —
Не всё ли нам равно!

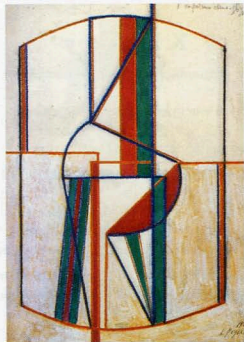
М. М. Антокольский. Мефистофель.
1883 г. Статуя. Москва

К Бодлеру

Как страшно-радостный и близкий мне
 пример,
Ты всё мне чудисься, о царственный
 Бодлер,
Любовник ужасов, обрывов и химер!

Ты, павший в пропасти, но жаждавший
 вершин,
Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий
 желтый сплин,
Ты, между варваров заложник-властелин!

Ты, знавший Женщину, как демона мечты,
Ты, знавший Демона, как духа красоты,
Сам с женскою душой, сам властный
 демон ты!

К. Н. Редько. К строению светозвука
(бум., цв. к., акв. 30,5×22, 1923)

Познавший таинства мистических ядов,
Понявший образность гигантских городов,
Поток бурлящий, рожденный царством
льдов!

Ты, в чей богатый дух навек перелита
В одну симфонию трикратная мечта:
Благоухания, и звуки, и цвета!

Ты — дух, блуждающий в разрушенных
мирах,
Где привидения друг в друге будят страх,
Ты — черный, призрачный, отверженный
монах!

Пребудь же призраком навек в душе моей,
С тобой дай слиться мне, о маг и чародей,
Чтоб я без ужаса мог быть среди людей!

1899

А. С. Голубкина. Портрет М. Ю. Лермонтова.
1900 г. Бюст. Бронза. Москва

К Лермонтову

Нет, не за то тебя я полюбил,
Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл
Ни с кем не разделяемых мучений,
За то, что ты нечеловеком был.

О Лермонтов, презрением могучим
К бездушным людям, к мелким их страстям
Ты был подобен молниям и тучам,
Бегущим по нетронутым путям,
Где только гром гремит псалмом певучим.

И вижу я, как ты в последний раз
Беседовал с ничтожными сердцами,
И жестким блеском этих темных глаз
Ты говорил: «Нет, я уже не с вами!»
Ты говорил: «Как душно мне средь вас!»

Брошь-букет. Середина XVIII в.
Москва

Страна исседонов

Сие приятное баснословие...

Карамзин

На восток от аргипеев,
Там, в Татарии Великой,
Змей живет, краса всех змеев,
Многочудный, многоликий.
Там, без тягостных законов,
В заколдованной долине
Жило племя исседонов,
Говорят — живет донине.
Судьбы их — гиероглифы,
Край их — золотом богатый,
И таинственные грифы
Стерегут тот край заклятый.
Восемь месяцев — целебный
Холод дышит над страной,
И летает змей волшебный
И мерцает чешуюю.

Пояс. 40—50-е гг. XIX в. Государственный музей Московского Кремля

Кто туда неосторожно
Из другой страны заглянет,
Тот, — предание не ложно, —
В изумленьи камнем станет.

Все пути туда закляты,
Возле самого преддверья
Льды восходят, как палаты,
Снег и град — как пух и перья.

Камни, золото и холод,
Закаленная природа,
И никто ни стар, ни молод
Неизменно в год из года.

Только змей в игре извивов,
Золотисто-изумрудный,
Изменяет цвет отливов,
Многоликий, многочисудный.

В. Д. Поленов. Бабушкин сад
(х., м., 54,7×65, 1878)

* * *

Мой друг, есть радость и любовь,
Есть всё, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я и ты —
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов
Непогибающих садов.

Сентябрь 1898
Ялта

И. И. Нивинский. Цветы. Боржоми
(бум., т., гуашь. 63,5×47,7, 1927)

Оттуда

Я обещаю вам сады.
Коран

Я обещаю вам сады,
Где поселитесь вы навеки,
Где свежесть утренней звезды,
Где спят нешепчущие реки.
Я призываю вас в страну,
Где нет печали, ни заката,
Я посвящу вас в тишину,
Откуда к бурям нет возврата.
Я покажу вам то, одно,
Что никогда вам не изменит,
Как камень, канувший на дно,
Верховных волн собой не вспенит.
Идите все на зов звезды,
Глядите: я горю пред вами.
Я обещаю вам сады
С неомраченными цветами.

А. М. Дорогов. Вид Константинополя
(х., м., 153×214, 1847)

Луна

O, sovereign mistress of true melancholy,
*Shakespeare**

Луна богата силою внушенья,
Вокруг нее всегда витает тайна.
Она нам вторит: «Жизнь есть отраженье,
Но этот призрак дышит не случайно».

Своим лучом, лучом бледно-зеленым,
Она ласкает, странно так волнуя,
И душу пробуждает к долгим стонам
Влияньем рокового поделуя.

Своим ущербом, смертью двухнедельной
И новым полновластным воссияньем
Она твердит о грусти не бесцельной,
О том, что свет нас ждет за умираньем.

Но, нас маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула в бледной дали,
Красавица тоски беспеременной,
Верховная владычица печали!

* О, верховная владычица истинной печали. *Шекспир* (англ.)

М. И. Козловский. Скульптурная группа
фонтана. 1800 г. Бронза

Из цикла «И да и нет»

1

Весенний шум, весенний гул природы
В моей душе звучит не как призыв.
Среди живых — лишь люди не уроды,
Лишь человек хоть частию красив.

Он может мне сказать живое слово,
Он полон бездн мучительных, как я.
И только в нем ежеминутно ново
Видение земного бытия.

Какое счастье думать, что сознаньем
Над смутой гор, морей, лесов и рек,
Над мчащимся в безбрежность мирозданьем
Царит непобедимый человек.

С. А. Чуйков. Прикосновение к вечности
(х., м., 134×150, 1973)

О, верю! Мы повсюду бросим сети
Средь мировых неистощимых вод.
Пред будущим теперь мы только дети.
Он — наш, он — наш, лазурный небосвод!

2

Лишь демоны, да гении, да люди
Со временем заполнят все миры
И выразят в неизреченном чуде
Весь блеск еще не сившейся игры, —

Когда, уразумев себя впервые,
С душой соприкоснутся навсегда
Четыре полновластные стихии:
Земля, огонь, и воздух, и вода.

Д. Н. Чечулин, А. К. Ростковский. Здание
на Котельнической набережной. Москва

От бледного листка испуганной осины
До сказочных планет, где день длинней,
чем век,

Всё — тонкие штрихи законченной картины,
Всё — тайные пути неуловимых рек.

Все помыслы ума — широкие дороги,
Все вспышки страстные — подъемные мосты,
И как бы ни были мы бедны и убоги,
Мы все-таки дойдем до нужной высоты.

То будет лучший миг безбрежных откровений,
Когда, как лунный диск, прорвавшись
сквозь туман,

На нас из хаоса бесчисленных явлений
Вдруг глянет снившийся, но скрытый Океан.

И цель пути поняв, счастливые навеки,
Мы все благословим раздавшуюся тьму
И, словно радостно-расширенные реки,
Своими устьями, любя, прильнем к Нему.

<1899>

Н. А. Пономарев. Вечерняя песня
(бум., гуашь, паст., 36×82,5, 1957)

Индийский мотив

Как красный цвет небес, которые
не красны,
Как разногласье волн, что меж собой
согласны,
Как сны, возникшие в прозрачном свете дня,
Как тени дымные вокруг яркого огня,
Как отсвет раковин, в которых жемчуг
дышит,
Как звук, что в слух идет, но сам себя
не слышит,
Как на поверхности потока белизна,
Как лотос в воздухе, растущий ото дна, —
Так жизнь с восторгами и блеском
заблужденья
Есть сновидение иного сновиденья.

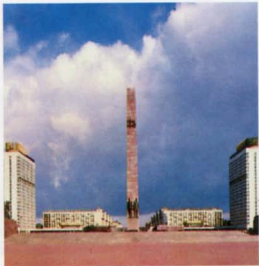
<1899>

Н. Г. Чернецов. Вид на Аю-Даг в Крыму
(х., м., 85×136, 1836)

Альбатрос

Над пустыней ночью морей альбатрос
одинокий,
Разрезая ударами крыльев соленый туман,
Любовался, как царством своим, этой
бездной широкой,
И, едва колыхаясь, качался под ним океан.
И порой омрачаясь, далеко, на небе
холодном,
Одиноко плыла, одиноко горела луна.
О, блаженство быть сильным и гордым
и вечно свободным!
Одиночество! Мир тебе! Море, покой,
тишина!

Архитекторы С. Б. Сперанский, В. А. Каменский. Скульптор М. К. Аникушин. Монумент в честь героической обороны Ленинграда в 1942—1943 гг. и разгрома немецко-фашистских войск в 1944 г. 1975 г. Общий вид. Санкт-Петербург

Светлый герой

Я слышал о светлом герое,
Свободном от всяких желаний,
О нем, перешедшем поток.
В лучистом застыл он покое,
Покинув наш мир восклицаний
Для славы несозданных строк.
В разрывах глубокой лазури,
В краю отодвинутой дали
С ним тайно колдует судьба.
К нему не притронутся бури,
Его не коснутся печали,
Ему незнакома борьба.
С бессмертной загадкой во взоре
Он высится где-то над нами,
В душе отразив небосвод.
В высоко мятущемся море
Он — остров, забытый ветрами,
Среди успокоенных вод.

<1899>

К. П. Брюллов. Всадница. Портрет Джованнины и Амацции Пачини. 1832 г.

Вершины *Медленные строки*

Вершины белых гор
Под красным солнцем светят.
Спроси вершины гор —
Они тебе ответят.

Расскажут в тихий час
Багряного заката,
Что нет любви для нас,
Что к счастью нет возврата.

Чем дальше ты идешь,
Тем глубже тайный холод.
Всё — истина, всё — ложь,
Блажен лишь тот, кто молод.

Нам скупо светит день,
А ты так жаждешь света.
Мечтой свой дух одень,
В ином не жди привета.

К. П. Брюллов. Вирсавия. 1832 г.
Холст, масло. 173×125,5. Москва

Чем выше над землей,
Тем легче хлопья снега,
С прозрачной полумглой
Слилась немая нега.
В прозрачной полумгле
Ни мрака нет, ни света.
Ты плакал на земле
Когда-то, с кем-то, где-то.
Пойми — один — теперь:
Нет ярче откровенья,
Как в сумраке потерь
Забвение мгновенья.
Мгновенье красоты
Бездонно по значенью, —
В нем высшее, чем ты.
Служи предназначенью!
Взойди на высоту,
Побудь — как луч заката,
Уйди за ту черту,
Откуда нет возврата!
<1898>

Успенский собор. Ансамбль Троице-Сергиевой лавры. 1559—1585 гг.

Мост

Между Временем и Вечностью,
Как над брызнувшей водой,
К нам заброшен бесконечностью
Мост воздушно-золотой, —

Разноцветностью играющий,
Видный только для того,
Кто душою ожидающей
Любит бога своего, —

Кто, забыв свое порочное,
Победил громаду зол
И, как радуга непрочная,
Воссиял — и отошел.

И. И. Бродский. Зимний пейзаж. 1917 г.
Санкт-Петербург

Белая страна

Я — в стране, что вечно в белое одета.
Предо мной — прямая долгая дорога.
Ни души — в просторах призрачного света,
Не с кем говорить здесь, не с кем, кроме бога.

Всё, что было в жизни, снова улыбнется,
Только для другого, — нет, не для меня.
Солнце не вернется, счастье не проснется,
В сердце у меня ни ночи нет, ни дня.

Но еще влачу я этой жизни бремя,
Но еще куда-то тянется дорога.
Я один в просторах, где умолкло время,
Не с кем говорить мне, не с кем, кроме бога.

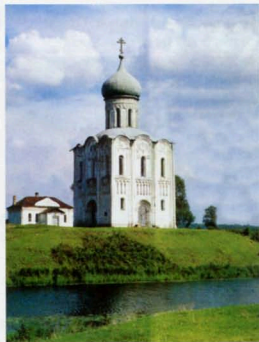
К. Х. Врублевский. Горный пейзаж
(х., м., 129×143, 1898)

* * *

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному —
К новому, к сильному, к доброму, к злому —
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотеньи земном!

Будем, как солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и всё золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимном покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как солнце, оно — молодое.
В этом завет красоты!

<1902>

Храм Покрова на Нерли. Владимир.
1165 г.

Воздушный храм

Высоко над землею, вечерней и пленной,
Облака затаили огни.

Сколько образов, скованных жизнью
мгновенной,

Пред очами проводят они.

Кто-то светлый там молится, молит кого-то,
Преклоняется, падает ниц.

И горящих небесных икон позолота
Оттеняет видения лиц.

Это храм, из воздушности светом сплетенный,
В нем кадиланицы молча горят.

И стоят богомольцы толпой преклоненной,
Вырастает их призрачный ряд.

И. И. Левитан. Владимирка
(х., м., 79×123, 1892)

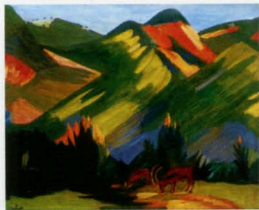
И одни возникают, другие уходят,
Прощептавши молитву свою.
И ушедшие — в мире, незримые, бродят,
Созидавая покров бытию.

Из воздушного храма уносят далеко
Золотую возможность дождей,
Безотчетную веру живого потока
И молитвенность кротких страстей.

А горячее солнце, воззававши их к жизни,
Наклонилось к последней черте —
И уходит к своей запредельной отчизне
В беспредельной своей красоте.

И блаженному сладко отдавшись бессилью,
Засмотрелось, как вечер красив,
И как будто обрызгало светлою пылью
Желтизну созревающих нив.

<1899>

М. С. Сарьян. Утро. Зеленые горы. 1912 г.
Санкт-Петербург

Рассвет

Зеленая поляна,
Деревья, облака.
Под дымкою тумана
Безгласная река.

Медлительно растущий
Сомнительный рассвет.
Молчанье мысли, ждущей,
Возникнет ли ответ.

Безмолвные вопросы
Влюбленных в солнце трав.
Когда зажгутся росы,
Бессмертье увидав?

Бессмертное светило,
Надежда всех миров,
Изжито всё, что было,
Разбиты ковы снов.

Бессмертное влияние
Немеркнувшего дня!
Яви свое сиянье,
Пересоздай меня!

П. П. Джогин. Утро над рекой
(х., м., 57×87)

Влага

С лодки скользнуло весло.
Ласково млеет прохлада.
«Милый! Мой милый!» — Светло,
Сладко от беглого взгляда.

Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.

Слухом невольно ловлю
Лепет зеркального лона.
«Милый! Мой милый! Люблю!..»
Полночь глядит с небосклона.

<1899>

С. Ф. Щедрин. Терраса на берегу моря
Капучини близ Сорренто. 1827 г.

Двойная жизнь

Мы унижаемся и спорим
С своею собственной душой.
Я на год надышался морем,
И на год я для всех чужой.

Своих я бросил в чуждых странах,
Ушел туда, где гул волны,
Тонул в серебряных туманах
И видел царственные сны.

В прозрачном взоре отражая
Всю безграничность бледных вод,
Моя душа, для всех чужая,
Непостижимостью живет.

С. Ф. Галактионов. Вид Монплезира
в Петергофе. 1805 г. Санкт-Петербург

Поняв подвижность легкой пены,
Я создаю дрожащий стих,
И так люблю свои измены,
Как неизменность всех своих.

Недели странствий миновали, —
Я к ним вернусь для тишины,
Для нерассказанной печали
И для сверкания струны.

В тот час, когда погаснет солнце,
Она забьется, запоеет —
Светлее звонкого червонца
И полноточней синих вод.

<1902>

В. Е. Попков. Осенние дожди (Пушкин)
(х., м., 169×172, 1974)

Дождь

В углу шуршали мыши,
Весь дом застыл во сне.
Шел дождь — и капли с крыши
Стекали по стене.

Шел дождь, ленивый, вялый,
И маятник стучал.
И я душой усталой
Себя не различал.

Я слился с этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забывтый, обделенный,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так. Тик-так».

Е. Л. Рухин. Композиция
(х., м., колл., 83,6×88,8, 1971)

Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком
Стучал, стучал, стучал.

И атомы напева,
Сплетаюсь в тишине,
Спокойно и без гнева
«Умри» твердили мне.

И мертвый, бездыханный,
Как труп задутых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.

И тише кто-то, тише
Шептался обо мне.
И капли с темной крыши
Стекали по стене.

<Май 1901>

С. М. Романович. Буря на Тивериадском озере (х., м., 54×79, 1930-е)

Завет бытия

Я спросил у свободного ветра,
Что мне сделать, чтоб быть молодым.
Мне ответил играющий ветер:
«Будь воздушным, как ветер, как дым!»

Я спросил у могучего моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное море:
«Будь всегда полновзвучным, как я!»

Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

<1901>

К. Я. Крыжицкий. Ранняя весна
(х., м., 53,5×44,5, 1905)

Север

Как пленительна весна
Там, где снег — не сновиденье,
Где полгода — тишина
Перед счастьем возрождения.

Там душа, волнуясь, ждет:
Что ж, сегодня торжествуем?
Что ж, река разрушит лед
Бурным влажным поцелуем?

Там весна — как смерть врага,
Все вдвойне от солнца пьяны.
Вас приветствую, снега,
Вас, бессмертные туманы!

<1900>

А. И. Бельский. Цветы, фрукты
и попугай (х., м., 99×208, 1754)

Paseo de las Delicias в Севилье

Лиловые гроздья роскошных глициний,
И пальмы с их правильной четкостью линий,
И желто-оранжевый дремлющий хмель, —
Как красочно ласков испанский апрель!

А девственно-бледные дикие розы,
А желтые шапочки нежной мимозы,
А тень кипарисов, их темные сны, —
Как сказочны лики испанской весны!

И сад многоцветный, расцветший так пышно,
Гармонией красок поет нам неслышно
О стройном согласьи своей тишины,
О блеске цветочном испанской весны!

Весна 1900
Севилья

А. Е. Егоров. Истязание Спасителя.
1814 г. Санкт-Петербург

Не лучше ли страдание

«Не лучше ли страдание,
Глухое, одинокое,
Как бездны мироздания,
Непонято-глубокое?
Не лучше ли мучение,
Чем ясный, звонкий смех?
Полюбим отречение,
Разлюбим сладкий грех».

«О нет, мой брат единственный,
Душа моя смущается;
В ней вечен клич воинственный,
Ей много обещается.
Весь мир нам обещается,
Когда его хотим,
И всякий грех прощается,
Когда простим другим».

Ю. И. Васильев. Апельсиновое дерево
(карт., темп., 40×58, 1960)

Сумерки

Мерцают сумерки в лимонных
И апельсиновых садах,
И слышен лепет листьев сонных,
И дремлет ветер на цветах.

Тот легкий ветер, что приносит
Благословение небес
И тайно души наши просит
Поверить мудрости чудес.

Чудес, ниспосланных неожиданно
Для исцеления души,
Которой всюду, беспрестанно,
Был только слышен крик: «Спеши».

Для исцеленья утомленных,
Нашедших чары новых снов
Под тенью ласковой — лимонных
И апельсиновых садов.

Весна 1900. Севилья

М. Н. Воробьев. Вид военного телеграфа
под Варною. 1829 г. Санкт-Петербург

Успокоение

Вечернее тихое море
Сливалось воздушною дымкой
С грядюю слегка лиловатых
Охваченных сном облаков,
И в этом безмерном просторе
Дышали почти невидимкой,
Как дышат мечты в ароматах,
Бесплотные образы снов.

Они возникали, как краски,
Как чувства, зажженные взором,
Как сладкий восторг аромата,
Как блеск и прозрачность воды,
Как светлые вымыслы сказки,
Как тучки, что встали дозором,
Чтоб вспыхнуть на миг без возврата
Пред ликом вечерней звезды.

<1900>

Ф. А. Моллер. Поцелуй
(х., м., 59×65, 1840)

Слова — хамелеоны

Слова — хамелеоны,
Они живут спеша.
У них свои законы,
Особая душа.

Они спешат меняться,
Являя все цвета;
Поблекнут — обновятся,
И в том их красота.

Все радужные краски,
Всё, что чарует взгляд,
Желая вечной сказки,
Они в себе таят.

И сказка длится, длится
И нарушает плен.
Как сладко измениться, —
Живите для измен!

6 ноября 1901

М. М. Антокольский. Христос перед
судом народа. 1874 г. Санкт-Петербург

Глаза

Когда я к другому в упор подхожу,
Я знаю: нам общее нечто дано.
И я напряженно и зорко гляжу —
Туда, на глубокое дно.

И вижу я много задавленных слов,
Убийств, совершенных в зловещей тиши,
Обрывов, провалов, огня, облаков,
Безумства несытой души.

Я вижу, я помню, я тайно дрожу,
Я знаю, откуда приходит гроза.
И если другому в глаза я гляжу,
Он вдруг закрывает глаза.

А. С. Голубкина. Идущий. 1903 г.
Бронза. Санкт-Петербург

Сквозь строй

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы кричали: «Удвой и утрой,
В десять раз, во сто раз горячей
Пусть узнает удар палачей».

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы стояли зловещей горой,
И горячею кровью облит,
Я еще и еще был избит.

Но, идя, как игрушка, меж вас,
Я горел, я сгорал и не гас.
И сознанием был каждый смущен,
Что я кровью своей освящен.

И сильней, всё сильней каждый раз
Вы пугались блистающих глаз.
И вы дрогнули все предо мной,
Увидав, что меж вас — я иной.

<14 марта 1901>

В. М. Ходасевич. Портрет Максима Горького (х., м., 187×107, 1918)

В ДОМАХ

М. Горькому

В мучительно-тесных громадах домов
Живут некрасивые бледные люди,
Окованы памятью выцветших слов,
Забывши о творческом чуде.

Всё скучно в их жизни. Полюбят кого,
Сейчас же наложат тяжёлые цепи.
«Ну что же, ты счастлив?» —

«Да что ж... Ничего...»

О да, ничего нет нелепей!

И чахнут, замкнувшись в гробницах своих.
А где-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы! Мудрей привидений людских
Жуки, пауки и мокрицы.

Всё цельно в просторах безлюдных пустынь,
Желанье свободно уходит к желанью.
Там нет заподозренных чувством святынь,
Там нет пригвождений к преданью.

А. Е. Мартынов. Вид реки Селенги
в Сибири (х., м., 64,3×80, 1817)

Свобода! Свобода! Кто понял тебя,
Тот знает, как волны разливные реки.
И если лавина несется губя,
Лавина прекрасна навеки.

Кто близок был к смерти и видел ее,
Тот знает, что жизнь глубока и прекрасна.
О люди, я вслушался в сердце свое,
И знаю, что ваше — несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
Но вот предо мною захлопнулись двери,
И в клеточках гномы застыли опять,
Лепечут: «Мы люди, не звери».

Я проклял вас, люди. Живите впотьмах.
Тоскуйте в размеренной чинной боязни.
Бледнейте в мучительных ваших домах.
Вы к казни идете от казни!

<1902>

И. П. Мартос. Памятник Козьме Минину
и Дмитрию Пожарскому. Москва

Соперники

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.
И каждый пребудет один, властелином, —
Пока не взойдет роковая звезда.

Мы можем бросать беспокойные тени,
Их месяц вытягивать будет в длину.
В одном восхождении мы будем ступени,
И равны, — пока не полюбим одну.

Тогда мы сождем, но себе не поможем,
Тогда мы забудем о боге своем.
Мы можем, мы можем, мы многое можем,
Но только, — мой равный! — пока мы
вдвоем.

Л. С. Попова. Живописная
архитектоника (карт., м., 59×39,5, 1918)

Ломанные линии

Ломанные линии, острые углы.
Да, мы здесь — мы прячемся в дымном
царстве мглы.

Мы еще покажемся из угрюмых нор,
Мы еще нарядимся в праздничный убор.

Глянем — и захватим вас, вбросим
в наши сны.

Мы еще покажем вам свежесть новизны.

Подождите, старые, знавшие всегда
Только два качания, только нет и да.

Будет откровение, вспыхнет царство мглы.
Утро дышит пурпуром... Чу! Кричат орлы!

Ф. П. Толстой. Битва Бородинская.
1812 г. Москва

Нашим врагам

Вы томительные,
Усыпительные,
Ничего вам не дано,
Даром канете на дно.

Богом кинутые
И отринутые,
Не согреты вы ничем,
И живете низачем.

Не постигнувшие
И не двигнувшие
Ничего и никогда,
Вы погибли навсегда.

Вы расправившиеся,
Неудавшиеся,
У дорожного столба
Невзошедшие хлеба.

В. А. Беклемишев. Деревенская любовь.
1896 г. Бронза. Москва

* * *

Ты мне говоришь, что как женщина я,
Что я рассуждать не умею,
Что я ускользаю, что я — как змея, —
Ну что же, я спорить не смею.

Люблю по-мужски я всем телом мужским,
Но женское — сердцу желанно,
И вот отчего, рассуждая с другим,
Я так выражаюсь туманно.

Я женщин, как высшую тайну, люблю,
А женщины любят скрываться, —
И вот почему я не мог, не терплю
В заветных глубинах признаться.

Но весь я прекрасен, дышу и дрожу,
Мне жаль, что тебя я печалю.
Приблизься: тебе я всю правду скажу,
А может быть, только ужалю.

П. Д. Корин. Александр Невский.
1942—1943 гг.

Sin miedo*

Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их в сердце вымыслом певучим,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видал кинжалы древнего Толедо?
Лучших не увидишь, где бы ни искал.
На клинке узорном надпись: «Sin miedo», —
Будь всегда бесстрашным, — властен их закал.
Раскаленной стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золотой узор,
И века сверкает красота живая
Двух металлов слитых, разных с давних пор.
Чтоб твои мечты вовек не отблестили,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,
Влей огонь застывший в звонкие слова.

Весна 1900. Севилья

* Будь без страха (исп.).

В. Ф. Степанова. Две фигуры
(карт., м., 45×28,5, 1920)

Поздно

Было поздно в наших думах.
Пела полночь с дальних башен.
Темный сон домов урюмых
Был таинственен и страшен.

Было тягостно-обидно.
Даль небес была беззвездна.
Было слишком очевидно,
Что любить, любить нам — поздно.

Мы не поняли начала
Наших снов и песнопений.
И созвучье отзывало
Без блаженных исступлений.

И на улицах урюмых
Было скучно и морозно.
Било полночь в наших думах.
Было поздно, поздно, поздно.

А. Е. Карев. Нева
(х., м., 116×173, 1934)

Волны

Волна бежит. Волна с волною слита.
Волна с волною слита в одной мечте.
Прильнув к скалам, они гремят сердито.
Они гремят сердито: «Не те! Не те!».

И в горьком сне волна волне шепнула.
Волна волне шепнула: «В тебе — мечта».
И плещут вновь: «Меня ты обманула!»
— «Меня ты обманула. И ты — не та!»

15 сентября 1896

П. И. Соколов. Венера и Адонис. 1782 г.
Холст, масло. 252 × 165. Санкт-Петербург

Ты здесь

Ты здесь, со мною, так близко-близко.
Я полон счастья. В душе гроза.
Ты цепенеешь — как одалиска,
Полузакрывши свои глаза.

Кого ты любишь? Чего ты хочешь?
Теперь томишься? Иль с давних пор?
О чем поешь ты, о чем пророчишь,
О затененный, но яркий взор?

Мое блаженство, побудь со мною, —
Я весь желанье, я весь гроза.
Я весь исполнен тобой одною.
Открой мне счастье! Закрой глаза!

<1901>

К. Е. Маковский. Селедочница
(х., м., 82×58,5, 1867)

Замарашка

Уличной испанке

Бедная ты замарашка,
Серенький робкий зверок,
Ты полевая ромашка,
Никем не любимый цветок.

Ты и не знаешь, как манит
Прелесть незнатных полей,
Вид твой души не обманет,
Ты всех мне красавиц милей.

<1900>

К. П. Брюллов. Портрет Е. П. Салтыковой.
1841 г. Санкт-Петербург

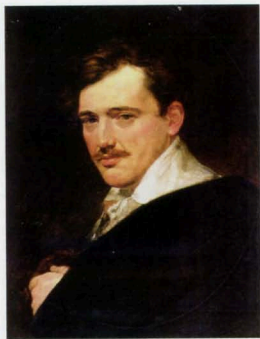
Морская душа

У нее глаза морского цвета,
И живет она как бы во сне.
От весны до окончания лета
Дух ее в нездешней стороне.
Ждет она чего-то молчаливо,
Где сильнее всего шумит прибой,
И в глазах глубоких в миг отлива
Холодеет сумрак голубой.

А когда высоко встанет буря,
Вся она застынет, внемля плеск,
И глядит как зверь, глаза прищуря,
И в глазах ее — зеленый блеск.

А когда настанет новолунье,
Вся изнемогая от тоски,
Бледная влюбленная колдунья
Расширяет черные зрачки.

И слова какого-то обета
Всё твердит, взволнованно дыша.
У нее глаза морского цвета,
У нее неверная душа.

К. П. Брюллов. Портрет А. Н. Львова.
1824 г. Москва

* * *

Жизнь проходит, — вечен сон.
Хорошо мне, — я влюблен.

Жизнь проходит, — сказка — нет.
Хорошо мне, — я поэт.

Душен мир, — в душе свежо.
Хорошо мне, хорошо.

<17 ноября 1900>

Н. Г. Шильдер. Искушение
(х., м., 54×67, 1857)

Отпадения

Отпадения в мир сладострастия
Нам самою судьбой суждены.
Нам неведомо высшее счастье.
И любить и желать — мы должны.

И не любит ли жизнь настоящее?
И не светят ли звезды за мглой?
И не хочет ли солнце горящее
Сочетаться любовью с землей?

И не дышит ли влага прозрачная,
В глубину принимая лучи?
И не ждет ли земля новобрачная?
Так люби. И целуй. И молчи.

Весна 1900

К. Д. Флавицкий. Княжна Тараканова
(х., м., 245×187,5, 1864)

Весь — весна

«Мой милый! — ты сказала мне. —
Зачем в душевной глубине
Ты будишь бурные желанья?
Всё, что в тебе, влечет меня.
И вот в душе моей, звеня,
Растет, растет очарованье!»

Тебя люблю я столько лет,
И нежен я, и я поэт.
Так как же это, совершенство,
Что я тебя своей не звал,
Что я тебя не целовал,
Не задыхался от блаженства?

С. Т. Коненков. Лада. 1909 г. Москва.
Государственная Третьяковская галерея

Скажи мне, счастье, почему?
Пойми: никак я не пойму,
Зачем мы стали у предела?
Зачем не хочешь ты любить,
Себя в восторге позабыть,
Отдать и душу мне и тело?

Пойми, о нежная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я в страсти звезды создаю,
Я весь — весна, когда пою,
Я — светлый бог, когда целую!

С. Т. Коненков. Nike. 1906 г. Голова.
Мрамор. Москва

Анита

Я был желанен ей. Она меня влекла,
Испанка стройная с горящими глазами.
Далеким заревом жила ночная мгла,
Любовь невинными шептала голосами.
Созвучьем слов своих она меня зажгла,
Испанка смуглая с глубокими глазами.

Альков раздвинулся воздушно-кружевной.
Она не стала мне шептать: «Пусти...

Не надо...»

Не деве Севера, не нимфе ледяной
Твердил я вкрадчиво: «Anita! Adorada!»*
Тигрица жадная дрожала предо мной, —
И кроме глаз ее мне ничего не надо.

* Обожаемая (исп.).

К. А. Сомов. Влюбленные. 1905 г.
Фарфор. Москва

Русалка

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты один мне понравился между людьми.
До тебя я была холодна и бледна.
Я — с глубокого, тихого, темного дна.

Нет, помедли. Сейчас загорится для нас
Молодая луна. Вот — ты видишь? Зажглась!
Дышит мрак голубой. Ну, целуй же! Ты мой?
Здесь. И здесь. Так. И здесь... Ах, как
сладко с тобой!

В. Э. Борисов-Мусатов. Водоем.
1902 г. Москва

* * *

Я ласкал ее долго, ласкал до утра,
Целовал ее губы и плечи.
И она наконец прошептала: «Пора!
Мой желанный, прощай же — до встречи».

И часы пронеслись. Я стоял у волны.
В ней качалась русалка нагая.
Но не бледная дева вчерашней луны,
Но не та, но не та, а другая.

И ее оттолкнув, я упал на песок,
А русалка, со смехом во взоре,
Вдруг запела: «Простор полноводный глубок.
Много дев, много раковин в море.

Тот, кто слышал напев первозданной волны,
Вечно полон мечтаний безбрежных.
Мы — с глубокого дна, и у той глубины
Много дев, много раковин нежных».

Д. Н. Кардовский. Сцена объяснения
в любви. 1903 г. Москва

Играющей в игры любовные

Есть поцелуи — как сны свободные,
Блаженно-яркие, до иступления.
Есть поцелуи — как снег холодные.
Есть поцелуи — как оскорбление.

О, поцелуи — насильно данные,
О, поцелуи — во имя мщенья!
Какие жгучие, какие странные,
С их вспышкой счастья и отвращения!

Беги же с трепетом от иступленности,
Нет меры снам моим, и нет названия.
Я силен — волею моей влюбленности,
Я силен дерзостью — негодования!

<1901>

К. С. Малевич. Цветочница. 1903 г.
Санкт-Петербург

* * *

Я больше ее не люблю,
А сердце умрет без любви.
Я больше ее не люблю, —
И жизнь мою смертью зови.

Я — буря, я — пропасть, я — ночь,
Кого обнимаю — гублю.
О, счастье вольности!.. Прочь!
Я больше тебя не люблю!

О. Л. Делла-Вос-Кардовская. Маленькая женщина (х., м., 129×110, 1910)

* * *

За то, что нет благословения
Для нашей сказки — от людей, —
За то, что ищем мы забвения
Не в блеске принятых страстей, —

За то, что в сладостной бесцельности
Мы тайной связаны с тобой, —
За то, что тонем в беспредельности,
Не побежденные судьбой, —

За то, что наше упоение
Непостижимо нам самим, —
За то, что силою стремления
Себя мы пыткам предадим, —

За новый облик сладострастия, —
Душой безумной и слепой
Я проклял всё — во имя счастья,
Во имя гибели с тобой.

А. Ф. Пахомов. Девушка в голубом.
1929 г.

* * *

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
— Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
— Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
— Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

М. З. Шагал. Зеркало. 1915 г. Картон,
масло. 100 × 81. Санкт-Петербург

Поэты

Ю. Балтрушайтису

Тебе известны, как и мне,
Непобедимые влечения,
И мы — в небесной вышине,
И мы — подводные течения.

Пред нами дышит череда
Явлений Силы и Недужности,
И в центре круга мы всегда,
И мы мелькаем по окружности.

Мы смотрим в зеркало Судьбы
И как на праздник наряжаемся,
Полувладыки и рабы,
Вкруг темных склепов собираемся.

Е. Г. Михнов-Войтенко. Композиция
(бум., гуашь, 75×56, 1976)

И услышав полночный бой,
Упившись музыкой железною,
Мы мчимся в пляске круговой
Над раскрывающейся бездною.

Игра кладбищенских огней
Нас манит сказочными чарами,
Везде, где смерть, мы тут же с ней,
Как тени дымные — с пожарами.

И мы, незримые, горим,
И сон чужой тревожим ласками,
И меж неопытных царим
Безумьем, ужасом и сказками.

<1900>

Рамки для зеркал. По эскизам
Е. Д. Поленовой. 2-я половина 1880-х гг.

Костры

Да, и жгучие костры —
Это только сон игры.
Мы играем в палачей.
Чей же проигрыш? Ничей.

Мы меняемся всегда.
Нынче «нет», а завтра «да».
Нынче я, а завтра ты.
Всё во имя красоты.

Каждый звук — условный крик.
Есть у каждого двойник.
Каждый там глядит как дух,
Здесь — телесно грезит вслух.

И пока мы здесь дрожим,
Мир всемирный нерушим.
Но в желаньи глянуть вниз
Все верховные сошлись.

З. Е. Серебрякова. За туалетом
(х., м., 75×65, 1909)

Каждый любит, тень любя,
Видеть в зеркале себя.
И сплетенье всех в одно
Глубиной повторено.

Но, во имя глубины,
Мы страдаем, видя сны.
Все мы здесь, наоборот,
Повторяем небосвод.

Свет оттуда — здесь как тень,
День — как ночь, и ночь — как день.
Вечный творческий восторг
Этот мир, как крик, исторг.

Мир страданием освящен.
Жги меня — и будь сожжен.
Нынче я, а завтра ты,
Всё во имя красоты.

<1901>

М. А. Врубель. Летящий демон. 1899 г.
Фрагмент. Санкт-Петербург

ГОЛОС ДЬЯВОЛА

Я ненавижу всех святых, —
Они заботятся мучительно
О жалких помыслах своих,
Себя спасают исключительно.
За душу страшно им свою,
Им страшны пропасти мечтания,
И ядовитую Змею
Они казнят без сострадания.
Мне ненавистен был бы Рай
Среди теней с улыбкой кроткою,
Где вечный праздник, вечный май
Идет размеренной походкою.
Я не хотел бы жить в Раю,
Казня находчивость змеиную.
От детских лет люблю Змею
И ей люблюсь, как картиною.
Я не хотел бы жить в Раю
Меж тупоумцев экстатических.
Я гибну, гибну — и пою,
Безумный демон снов лирических.

Н. И. Андронов. Ночь в Солигаличе
(х., м., 65×70, 1970)

Incubus

Как стих сказителя народного
Из поседевшей старины,
Из отдаления холодного
Несет к нам стынувшие сны, —

Так, темной полночью рожденные
Воззвания башенных часов,
Моей душою повторенные,
Встают, как говор голосов.

И льнут ко мне с мольбой и с ропотом:
«Мы жить хотим в уме твоём».
И возвещают тайным шепотом:
«Внимай, внимай, как мы поём.

Мы замираем, как проклятия,
Мы возрастаем, как прибой.
Раскрой безгрешные объятия —
Мы все обнимемся с тобой».

Д. П. Плавинский. Азиатский город
смерти (х., м., 141×67, 1987)

И я взглянул, и вдруг, неожиданные,
Лучи луны, целуя мглу,
Легли, как саваны туманные,
Передо мною на полу.

И в каждом саване — видение,
Как нерожденная гроза,
И просят губы наслаждения,
И смотрят мертвые глаза.

Я жду, лежу, как труп, но слышащий.
И встала тень, волнуя тьму,
И этот призрак еле дышащий
Приникнул к сердцу моему.

Какая боль, какая страстная,
Как сладко мне ее продлить!
Как будто тянется неясная
Непрерываемая нить!

В. И. Яковлев. Мужской портрет
(бум., гуашь, 82×78, 1973)

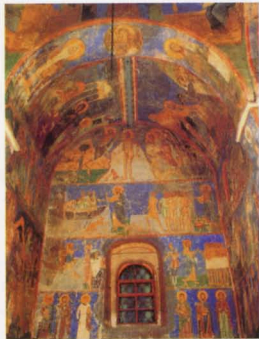
И тень всё ближе наклоняется,
Горит огонь зеленых глаз,
И каждый миг она меняется,
И мне желанней каждый раз.

Но снова башня дышит звуками,
И чей-то слышен тихий стон,
И я не знаю, чьими муками
И чьею грудью он рожден.

Я только знаю, только чувствую,
Не открывая сжатых глаз,
Что я как жертва соприсутствую
И что окончен сладкий час.

И вот сейчас она развееется,
Моя отторгнутая тень,
И на губах ее виднеется
Воздушно-алый, алый день.

<1900>

Фрески Спасо-Преображенского собора.
Псков. Середина XII в.

Ad infinitum*

В храме всё — как прежде было.
Слышен тихий взмах кадил.
«Я смеялся, я шутил.
Неужели ты любила?»

Дымен смутный трепет свеч,
На иконах свет заемный.
Каждый хочет в церкви темной
От свечи свечу зажечь.

В храме будет так, как было.
Слышен тихий звон кадил.
«А, неверный! Ты шутил.
Горе! Горе! Я любила».

<1900>

* До бесконечности (лат.).

Интерьер Дмитриевского собора.
Владимир. 1197 г.

Заглянуть

Позабывшись,
Наклонившись,
И незримо для других,
Удивленно
Заглянуть,
Полусонно
Воздохнуть, —
Это путь
Для того, чтоб воссоздать
То, чего нам в этой жизни вплоть
до смерти не видать.

В. Н. Чулович. Замоскворечье. Весна
(х., м., 73×90, 1986)

Терцины

Когда художник пережил мечту,
В его душе слагаются картины,
И за чертой он создает черту.

Исчерпав жизнь свою до половины,
Поэт, скорбя о том, чего уж нет,
Невольно пишет стройные терцины.

В них чувствуешь непогасимый свет
Страстей перекипевших и отживших,
В них слышен ровный шаг прошедших лет.

Виденья дней, как будто бы не бывших,
Встают, как сказка, в зеркале мечты,
И слышен гуд приливов отступивших.

А в небесах, в провалах пустоты,
Светло горят закатным блеском тучи —
Светлее, чем осенние листья.

Н. А. Тырса. Полевые цветы
(бум., акв., 68×52)

Сознанием смерти глянувшей могучи,
Звучат напевы пышных панихид,
Величественны, скорбны и певучи.

Все образы, что память нам хранит,
В одежде холодеющих весталок
Идут, идут, спокойные на вид.

Но, боже мой, как тот безумно-жалок,
Кто не узнает прежний аромат
В забытой сказке выцветших фиалок.

Последний стон. Дороги нет назад.
Кругом, везде, густеют властно тени.
Но тучи торжествующе горят.

Горят огнем переддремотной лени
И, завладев всем царством высоты,
Роняют свет на дольные ступени.

Я вас люблю, предсмертные цветы!

<1900>

Фрески Спасо-Преображенского собора.
Псков. Середина XII в.

Фра Анджелико

Если б эта детская душа
Нашим грешным миром овладела,
Мы совсем утратили бы тело,
Мы бы, точно тени, чуть дыша,
Встали у небесного предела.

Там, вверху, сидел бы добрый бог,
Здесь, внизу, послушными рядами,
Призраки с пресветлыми чертами
Пели бы воздушную, как вздох,
Песню бестелесными устами.

Вечно примиренные с судьбой,
Чуждые навек заботам хмурым,
Были бы мы озером лазурным
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном.

Весна 1900
Севилья

Ф. П. Толстой. Букет, бабочка и птица
(бум., гуашь, 49×38, 1820)

Что мне нравится

Что мне больше нравится в безднах
мировых
И кого отметил я между всех живых?

Альбатроса, коршуна, тигра и коня,
Жаворонка, бабочку и цветы огня.

Альбатрос мне нравится тем, что он крылат,
Тем, что он врывается в грозовой раскат.

В коршуне мне нравится то, что он могуч
И как камень падает из высоких туч.

В тигре — то, что с яростью мягкость
сочетал,

И не знал раскаянья, бога не видал.

И в других желанно мне то, что — их
вполне:

Нравятся отдельностью все создания мне.

М. И. Козловский. Геркулес на коне.
1799 г. Бронза. Санкт-Петербург

Жаворонок — пением, быстротою —
 конь,
 Бабочка — воздушностью, красотой —
 огонь.

Да, огонь красивее всех иных живых,
В искрах — ликование духов мировых.

И крылат и властен он, в быстроте могуч,
И поет дождями он из громовых туч.

По земле он ластится, жаждет высоты,
В красные слагается страстные цветы.

Да, огонь красивее между всех живых,
В искрах — ликование духов мировых.

В пламени ликующем — самый яркий цвет.
В жизни — смерть, и в смерти — жизнь.
Всем живым — привет!

Е. И. Чарушин. Мурзук. Иллюстрация
к рассказу В. В. Бианки. 1928 г. Москва

Мои звери

Мой зверь — не лев, излюбленный
толпою, —

Мне кажется, что он лишь крупный пес.
Нет, желтый тигр, с бесшумною стопою,
Во мне рождает больше странных грез.

И символ Вакха, быстрый, сладострастный,
Как бы из стали, меткий леопард;
Он весь — как гений вымысла прекрасный,
Отец легенд, зверь-бог, колдун и бард.

Еще люблю я черную пантеру,
Когда она глядит перед собой
В какую-то внежизненную сферу,
Как страшный Сфинкс в пустыне голубой.

Но если от азийских, африканских
Святых пустынь мечту я оторву,
Средь наших дней — и плоских,
и мешанских —

Моей желанной — кошку назову.

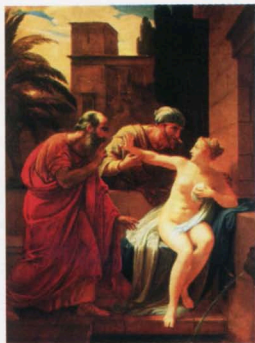
Г. И. Носков. Композиция
(х., м., 106×70, кон. 1910-х)

Она в себе, в изящной миньятюре,
Соединила этих трех зверей.
Есть искры у нее в лоснистой шкуре,
У ней в крови — бродячий хмель страстей.

Она проходит в комнатах бесшумно,
Всегда свою преследуя мечту,
Влюбляется внезапно и безумно,
И любит ведьм, и любит темноту.

В ее зрачках — непознанная чара,
В них — фосфор и крути неведанных сфер,
Она пленила страшного Эдгара,
Ей был пленен трагический Бодлер, —

Два гения, влюбленные в мечтанья,
Мои два брата в бездне мировой,
Где нам даны безмерные страданья
И беспредельность музыки живой.

П. В. Басин. Сусанна, застигнутая
старцами в купальне. 1822 г.

Звездный хоровод

Я заглянул во столько глаз,
Что позабыл я навсегда,
Когда любил я в первый раз,
И не любил — когда?

Как тот севильский Дон-Жуан,
Я — Вечный Жид, минутный муж.
Я знаю сказки многих стран
И тайну многих душ.

Мгновенья нежной красоты
Соткал я в звездный хоровод.
Но неисчерпанность мечты
Меня зовет — вперед.

С. Т. Коненков. Марфенька. 1950 г.
Мрамор. Москва

Что было раз, то было раз,
Душе любить запрета нет.
Хочу я блеска новых глаз,
Непознанных планет.

Волнение сладостной тоски
Меня уносит вновь и вновь.
И я всегда гляжу в зрачки,
Чтоб в них читать — любовь.

Н. В. Мещерин. Пейзаж
(х., м., 64,5×80, 1905)

Возвращение

Мне хочется снова дрожаний качели
В той липовой роще, в деревне родной,
Где утром фиалки во мгле голубели,
Где мысли робели так странно весной.

Мне хочется снова быть кротким и нежным,
Быть снова ребенком, хотя бы в другом,
Но только б упиться бездонным, безбрежным
В раю белоснежном, в раю голубом.

И если любил я безумные ласки,
Я к ним остываю — совсем, навсегда,
Мне нравится вечер, и детские глазки,
И тихие сказки, и снова звезда.

1903

Интерьер Благовещенского собора
Московского Кремля. 1508 г.

Благовещение в Москве

Благовещение и свет,
Вербы забелели.
Или точно горя нет,
Право, в самом деле?

Благовестие и смех,
Закраснели почки.
И на улицах — у всех
Синие цветочки.

Сколько синеньких цветков,
Отнятых у снега.
Снова мир и свеж и нов,
И повсюду — нега.

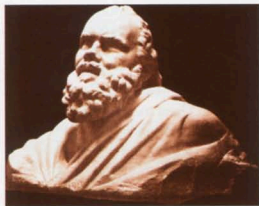

Ф. Я. Алексеев. Красная площадь
в Москве (х., м., 81,3×110,5, 1801)

Вижу старую Москву
В молодом уборе.
Я смеюсь, и я живу —
Солнце в каждом взоре.

От старинного Кремля
Звон плывет волною.
А во рвах живет земля
Молодой травой.

В чуть пробившейся траве
Сон весны и лета.
Благовещение в Москве —
Это праздник света!

С. Т. Коненков. Сократ. 1953 г.
Мрамор. Пермь

Я не знаю мудрости

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимоетности я влагаю в стих.
В каждой мимоетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Чтó вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

<1902>

Н. С. Крылов. Зимний пейзаж. Русская зима (х., м., 54×63,5, 1827)

Снежинка

Светло-пушистая
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную —
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в неизвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

К. Ф. Юон. Троицкая лавра зимой. 1910 г.
Холст, масло. 125 × 198. Санкт-Петербург

Под ветром веющим
Дрожит, взмывается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его мятелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

М. Ф. Ларионов. Рыбы при закате.
1904 г. Санкт-Петербург

Золотая рыбка

В замке был веселый бал,
Музыканты пели.

Ветерок в саду качал
Легкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.

А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под луной,
Точно вырезные,
Опьяненные весной
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко.

И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Л. А. Юдин. Скрипка
(х., м., 106×70, кон. 1910-х)

Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнет — и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздается.
И в сердцах любовь журчит,
И весна смеется.

Взор ко взору шепчет «Жду!»
Так светло и зыбко.
Оттого что там в пруду —
Золотая рыбка.

И. Я. Вишняков. Портрет
Сарры-Элеоноры Фермор. 1750-е годы

Из цикла «Жемчуг»

Нежный жемчуг, Маргарита, —
Как поют в испанских песнях, —
Пели ангелы на небе
В день рождения твоего.

Пели ангелы и птицы,
И цвели в садах гвоздики,
Распускались, раскрывались
В блеске солнца чаши роз.

Оттого лицом красивым
Ты на ангелов похожа,
И уста твои — гвоздики,
Нежный голос — пенье птиц.

И мечтанья — светлый жемчуг,
Оттененный розой алой,
И глаза твои — как небо,
Где бездонна глубина.

М. Ф. Ларионов. Провинциальная
франтиха (х., м., 94×67, 1907)

К Елене

О Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных луною морей.

Ты мечтою открыта для света,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навеки свободное лето,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
Но во тьме ты мерцаешь, как свет.
И, прозрев, я навеки с тобою,
Я — твой раб, я — твой брат — и поэт.

Женщина с цветами в причёске.
Середина XIX в. Завод М. С. Кузнецова

Ты сумела сказать мне без речи:
С красотою красиво живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.

Ты сумела сказать мне без слова:
Я свободна, я вечно одна,
Как роптание моря ночного,
Как на небе вечернем луна.

Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.

О. А. Кипренский. Портрет
Е. П. Ростопчиной. 1809 г. Москва

Из цикла «Разлученные»

Прозвенит ли вдали колокольчик,
Колокольчик, во мгле убегающий, —
Догорает ли месяц за тучкой,
Там за тучкой, бледнеющей, тающей, —

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной! —
Над водой, над рекой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной, —

Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и в сердце хранимая, —
Вдруг я вижу, что ты не забыта,
Позабывтая, горько-любимая.

А. И. Иванов. Смерть Пелопида.
Холст, масло. 119,5 × 141. Москва

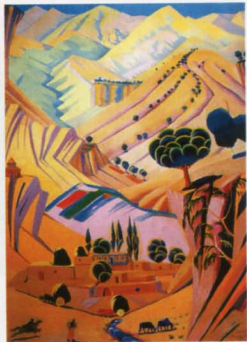
* * *

Он был из тех, на ком лежит печать
Непогасимо-яркого страдания,
Кто должен проклинать или молчать,
Когда звучат аккорды мироздания.

Средь ликов, где прозрачен каждый взгляд,
Средь ангелов, поющих светлым хором
И вторящих свой вечный «Свят, свят, свят», —
Он вспыхнул бы и гневом и укором.

Нет, в нем сверкал иной зловеющий свет,
Как факел он горел на мрачном пире:
Где есть печаль, где стон, там правды нет,
Хотя бы красота дышала в мире.

«Ответа — сердцу, сердцу моему!» —
Молил он, задыхаясь от страдания,
И демоны являлись к нему,
Чтоб говорить о тайнах мироздания.

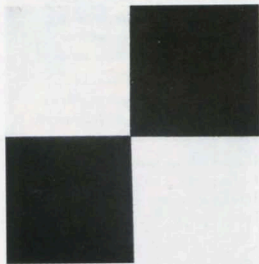
М. С. Сарьян. Пестрый пейзаж. 1924 г.
Санкт-Петербург

Он проклял мир и, вечно одинок,
Замкнул в душе глубокие печали,
Но в песнях он их выразить не мог,
Хоть песни победительно звучали.

И полюбил он в мире только то,
Что замерло в отчаяньи молчанья:
Вершины гор, где не дышал никто,
Безбрежность волшебства их без названья;

Ночных светил неговорящий свет
И между них, с их правильным узором,
Падение стремительных комет,
Провал ночей, пронзенный метеором, —

Всё то, что, молча выносив свой гнет,
Внезапной бурей грянет в миг единый,
Как чистый снег заоблачных высот
Стремится вниз — губительной лавиной.

К. С. Малевич. Четыре квадрата
(х., м., 49×49, сер. 1910-х)

Далежим близжим

Мне чужды ваши рассуждения:
«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог».

Я — нежный иней охлаждения,
Я — ветерка чуть слышный вздох.

Мне чужды ваши восклицания:
«Полюбим тьму», «Возлюбим грех».

Я причиняю всем терзания,
Но светел мой свободный смех.

Вы так жестоки — помышлением,
Вы так свирепы — на словах.

Я должен быть стихийным гением.
Я весь в себе — восторг и страх.

Вы разделяете, сливаете,
Не доходя до бытия.

Но никогда вы не узнаете,
Как безраздельно целен я.

А. А. Осмеркин. Дама с лорнеткой
(х., м., 116×91, 1917)

Старая песенка

— Mamma, mamma! perchè lo dicesti?

— Figlia, figlia! perchè lo facesti?*

Из неумирающих разговоров

Жили в мире дочь и мать.
«Где бы денег нам достать?»
Говорила это дочь.
А сама — темней, чем ночь.

«Будь теперь я молода,
Не спросила б я тогда.
Я б сумела их достать...»
Говорила это — мать.

Так промолвила со зла.
На минуту отошла.
Но на целый вечер прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.

* — Мама, мама! Зачем ты это сказала?

— Дочка, дочка! Зачем ты это сделала? (итал.).

В. Э. Борисов-Мусатов. Автопортрет
с сестрой (х., м., 143×177, 1898)

«Дочка, дочка, — боже мой! —
Что ты делаешь со мной?»
Испугалась, плачет мать.
Долго будет дочку ждать.

Много времени прошло.
Быстро в мире ходит Зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денег принесла.

Помертвела, смотрит мать.
«Хочешь деньги сосчитать?»
— «Дочка, дочка, — боже мой! —
Что ты сделала с собой?»

«Ты сказала — я пошла».
— «Я обмолвилась со зла».
— «Ты обмолвилась, — а я
Оступилась, мать моя».

В. К. Бялыницкий-Бируля. Весна
(х., м., 104×81, 1899)

ДОВОЛЬНО

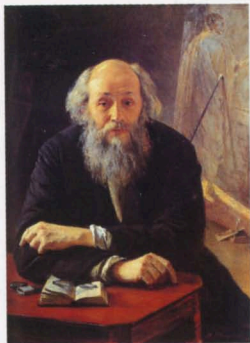
Я был вам звенящей струной,
Я был вам цветущей весной,
Но вы не хотели цветов,
И вы не расслышали слов.

Я был вам призывом к борьбе,
Для вас я забыл о себе,
Но вы, не увидев огня,
Оставили молча меня.

Когда ж вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мне говорите, что вот
Он звонко, он нежно поет.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для вас же давно я погас,
Довольно, довольно мне вас.

Январь 1903

Н. А. Ярошенко. Портрет Н. Н. Ге
(х., м., 92,5×73,5, 1890)

Подневольность

Когда я думаю, что рядом,
Вот здесь, кругом, передо мной,
Безмерным преданы отрадам,
Ликуют духи, мир иной, —

В той комнате, где дни и ночи,
Как каторжник, забыв про сон,
Так бьюсь я, не смыкая очи,
Всё бьюсь, к работе присужден, —

Когда я думаю, что годы,
С печальной бледностью лица,
В окно всё тот же лик природы
Я буду видеть без конца, —

М. В. Добужинский. Человек в очках.
1905—1906 гг. Москва

И сердцем, более не юным,
Я буду, догорая, тлеть,
Внимать мятежам и бурунам,
Слабеть, сидеть и холодеть, —

Вдруг сам себе тогда я страшен,
Я содрогаюсь, как в бреду,
Как будто я с высоких башен
Вот-вот на землю упаду.

А между тем так близко, рядом,
Но не слиянные со мной,
Безбрежным преданы уладам,
Сплетают духи мир иной.

Е. Е. Волков. Болото осенью
(х., м., 42×80, 1871)

Болото

Прерывистые строки

Miles and miles and miles of desolation,
Leagues on leagues on leagues without
a change.

*Swinburne**

На версты и версты протянулось болото,
Поросшее зеленой обманною травой.
Каждый миг в нем шепчет, словно плачет,
кто-то,

Как будто безнадежно тоскует над собой.

На версты и версты шелестящая осока,
Незабудки, кувшинки, кувшинки, камыши.
Болото раскинулось властно и широко,
Шепчутся стебли в изумрудной тиши.

* Милы и милы и милы запустения, льё за льё — без
перемен. *Свинбери (англ.)*.

К. А. Савицкий. Темные люди
(х., м., 106,5×191, 1882)

На самом зеленом изумрудном месте
Кто-то когда-то погиб навсегда.
Шел жених влюбленный к любящей
невесте, —

Болото заманило, в болоте нет следа.

И многих манит к обманным изумрудам,
Каждому хочется над бездонностью побыть.
Каждый, утомившись, ярко грезит чудом,
И только тот живет, кто может всё забыть.

О, как грустно шепчут камыши без счета,
Шелестящими, шуршащими стеблями
говорят.

Болото, болото, ты мне нравишься, болото,
Я верю, что божественен предсмертный
взгляд.

В. И. Суриков. Степан Разин. 1906 г.
Санкт-Петербург.

Меж подводных стеблей

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Неподвижные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в море погиб.

А. О. Орловский. Морской вид ночью.
1809 г. Санкт-Петербург

У моря ночью

У моря ночью, у моря ночью
Темно и страшно. Хрустит песок.
О, как мне больно у моря ночью.
Есть где-то счастье. Но путь далек.

Я вижу звезды. Одна мне светит
Других светлее и всех нежней.
Но если сердце ее отметит, —
Она далёко, не быть мне с ней.

Я умираю у моря ночью,
Песок затянет, зальет волна.
У моря ночью, у моря ночью
Меня полюбит лишь Смерть одна.

П. К. Клодт. Укрощение коня. Аничков
мост. 1833—1850 гг. Санкт-Петербург

Похвала уму

Безумие и разум равноценны,
Как равноценны в мире свет и тьма.
В них — два пути, пока мы в мире пленны,
Пока замкнуты наши терема.

И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум английский — и светлый и туманный,
Как море вокруг несчетных островов.

Бесстыдный ум француза, ум немецкий —
Строительный, тяжелый и тупой,
Ум русский — иступленно-молодецкий,
Ум скандинавский — вещей и слепой.

К. П. Брюллов. Итальянский полдень
(х., м., 64×55, 1827)

Испанский ум, как будто весь багряный,
Горячий, как роскошный цвет гвоздик,
Ум итальянский — сладкий, как обманы,
Утонченный, как у мадонны лик.

Как меч, как властный голос — ум латинский,
Ум эллинский — язык полубогов,
Индийский ум, кошмарно-исполинский, —
Свод радуги, богатство всех тонов.

Я вижу: волны мира многопенны,
Я здесь стою на звонком берегу,
И кто б ты ни был, Дух, пред кем мы пленны,
Привет мой всем — и брату и врагу.

В. М. Васнецов. После побоища Игоря
Святославича с половцами. 1880 г.

К славянам

Славяне, вам светлая слава —
За то, что вы сердцем открыты,
Веселым младенчеством нрава
С природой весеннею слиты.
К любому легко подойдете,
С любым вы смеетесь как с братом,
И всё, что чужого возьмете,
Вы топите в море богатом.
Враждуя с врагом поневоле,
Сейчас помириться готовы,
Но если на бранном вы поле —
Вы тверды и молча суровы.
И снова мечтой расцветаясь,
Вы — где-то, забывши об узком,
И светят созвездья, качаясь,
В сознании польском и русском.
Звения, разбиваются цепи,
Шумит, зеленея, дубрава,
Славянские души — как степи,
Славяне, вам светлая слава!

В. Н. Бакшеев. Голубая весна
(дер., карт., м., 44×57, 1930)

Весна

Вот и белые березы,
Развернув свои листы,
Под дождем роняют слезы
Освеженной красоты.

Дождь идет, а солнце светит,
Травы нежные блестят, —
Эту нежность их заметит
И запомнит зоркий взгляд.

Видя радость единенья
Солнца, влаги и стеблей,
Дух твой будет — как растение,
Взор засветится светлей.

И войдет в твои мечтанья
Свежесть пышной новизны.
Это — счастье, свиданье,
Праздник солнца и весны!

<1903>

К. А. Сомов. Дама в голубом. Портрет
Е. М. Мартыновой. 1897—1900 гг.

Греза

Мне грустно, поэт. Ты пойми: не весталка я,
И нет: не русалка я, лунно-холодная.
Я — только любовница, бледная, жалкая,
Я — греза поэта, я — в мире безродная.

Меня ты поманишь, капризный,
но вкрадчивый, —
Я тотчас к тебе из-за моря спешу,
Стараюсь быть кроткой, послушной,
угадчивой,
Тобою одним и свечусь и дышу.

Глазами в глаза проникаю бездонные,
Любви ты захочешь — целую тебя,
Как жемчуг, сплетаю созвучья влюбленные,
Устанешь — страдаю и таю, любя.

А. С. Бакст. Портрет С. П. Дягилева
с няней. 1906 г. Санкт-Петербург

Захочешь — с тобой я, захочешь —
далёко я.

Всё, всё, что ты хочешь, тебе отдаю,
Но только с тобой — я всегда одинокая,
И я без тебя — одиноко пою.

Ты нежен, поэт, ты с душою воздушною,
Но нет мне слияния даже с тобой,
Понять ты не можешь подругу послушную,
Хоть часто даришь мне венок голубой.

Ты всё ж, хоть поэт, устаешь от мечтания,
Сливаешься с жизнью людскою —
изношенной.

И нет мне слияния, вечно — изгнание,
Я — греза, я — призрак любовницы
брошенной.

А. М. Волков. Прерванное обручение
(х., м., 116×150, 1860)

В белом

Я сидел с тобою рядом,
Ты была вся в белом.
Я тебя касался взглядом
Жадным, но несмелым.
Я хотел в твой ум проникнуть
Грезой поцелуя.
Я хотел безгласно крикнуть,
Что тебя люблю я.
Но кругом сидели люди,
Глупо говорили.
Я застыл в жестоком чуде,
Точно был в могиле.
Точно был в гробу стеклянном,
Где-то там — другие.
Я — с своим виденьем странным
В сказке летаргии.

В. В. Пукирев. Неравный брак
(х., м., 173×136,5, 1862)

И твои глаза горели
В непостижной дали.
Но мои сказать не смели,
Почему мерцали.
Ты — невеста, ты — чужая,
Ты и он — мечтанья.
Но застыл я, твердо зная,
Что любовь — страданье.

Вижу, вижу, как другого
Счастье ослепило.
Я утратил силу слова,
Но сильна могила.
Кто узнал с другим слиянье,
Тем не возродиться.
Я застыл, как изваянье,
Знаю: нам не слиться.

Смерть свои соткала сети,
Смерть непобедима.
Если есть любовь на свете,
Ты лишь мной любима!

Январь 1904

А. П. Лосенко. Портрет актера
Ф. Г. Волкова (х., м., 67,2×54,3, 18 в.)

Тень от дыма

Мое несчастье несравнимо
Ни с чьим. О, подлинно! Ни с чьим.
Другие — дым, я — тень от дыма,
Я всем завидую, кто — дым.

Они горели, догорели
И, всё отдавши ярким снам,
Спешат к назначенной им цели,
Стремятся к синим небесам.

Великим схвачены законом,
Покорно тают в светлой мгле.
А я, как змей, ползу по склонам,
Я опрокинут на земле.

И я хотел бы на вершины
Хоть бледным призраком дойти, —
Они — для всех, они едины,
Но я цепляюсь по пути.

Увы, я сам себя не знаю,
И от себя того я жду,
Что преградит дорогу к раю,
Куда так зыбко я иду.

<1904>

С. В. Чехонин. Натюрморт
(х., м., 59×68, 1916)

Посвящение

Солнечной Нинике с светлыми глазками —
Этот букетик из тонких былинки.
Ты позабавишься Фейными сказками,
После — блеснешь мне зелеными глазками, —
В них не хочу я росинок.
Вечер далек — и до вечера встретится
Много нам: гномы, и страхи, и змеи.
Чур, не пугаться, — а если засветятся
Слезки, пожалуюсь Феи.

Sillamäggi, Estl.
1905, Sept. 7

Браслет. 60-е г. XIX в. Государственный музей Московского Кремля

Наряды Феи

У Феи — глазки изумрудные,
Всё на траву она глядит.
У ней наряды дивно-чудные:
Опал, топаз и хризолит.

Есть жемчуга из света лунного,
Каких не видел взор ничей.
Есть поясок покроя струнного
Из ярких солнечных лучей.

Еще ей платье подвенечное
Дал колокольчик полевой,
Сулил ей счастье бесконечное,
Звонил в цветок свой голубой.

Росинка с грезой серебристою
Зажглась алмазным огоньком.
А ландыш свечкою душистою
Горел на свадьбе с Светляком.

В. Д. Орловский. Летний день
(х., м., 73,3×111,3, 1884)

Чары Феи

Я шел в лесу. Лес темный был
Так странно зачарован.
И сам кого-то я любил,
И сам я был взволнован.

Кто так разнежил облака, —
Они совсем жемчужны?
И почему ручью река
Поет: «Мы будем дружны»?

И почему так ландыш вдруг
Вздохнул, в траве бледнея?
И почему так нежен луг?
Ах, знаю! Это — Фея.

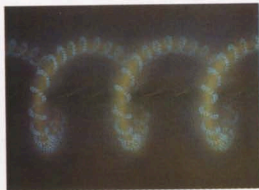
Доска резная. XIX в.

У чудищу

Я был в избушке на курьих ножках.
Там всё как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.

Но я был в шапке, был в невидимке.
Стянул у старой две нитки бус.
Разгневал ведьму — и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.

Пойду, пожалуй, теперь к Кощею.
Найду для песен там жемчугов.
До самой пасти приближусь к змею.
Узнаю тайны — и был таков.

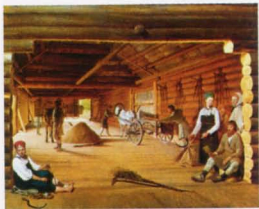

Ф. Инфанте-Арана. Бесконечная
спираль (бум., гуашь, 55×77, 1963)

Как я пишу стихи

Рождается внезапная строка,
За ней встает немедленно другая,
Мелькает третья, ей издалека
Четвертая смеется, набегая.

И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько — я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда — не сочиняю.

А. Г. Венецианов. Гумно. 1820-е гг.
Санкт-Петербург

Зерно

Трудовые мечты,
Золотое зерно.
Торжество красоты —
Как мне близко оно.
Как мне радостен вид
Лошаденки простой.
В глыбах пашни скользит
Солнца луч золотой.
Озимые поля,
Созревание нив.
Молодая земля,
Лик твой вечно-красив.
Серп с косою — мечи! —
И победность сохи
Мне поют, как лучи,
Мне горят, как стихи.
Сын земли я и дня, —
Неразрывно звено.
И в душе у меня
Золотое зерно.

Ф. П. Глебов. Тополя облетают (х., м.)

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее.
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро осень проснется —
И заплачет спросонья.

Август 1905

П. А. Радимов. Оттепель
(карт., м., 30,8×42,7, 1947)

Зима

Поля затянuty недвижной пеленой,
Пушисто-белыми снегами.
Как будто навсегда простился мир с весной,
С ее цветками и листками.

Окован звонкий ключ. Он у зимы в плену.
Одна мятель поет, рыдая.
Но солнце любит круг. Оно хранит весну.
Опять вернется молодая.

Она пошла бродить в чужих краях,
Чтоб мир изведal сновиденья,
Чтоб видел он во сне, что он лежит в снегах
И вьюгу слушает — как пенье.

В. Г. Худяков. Портрет Р. И. Кузьмина
(х., м., 86,5×69, 1856)

Талисманы

Судьба на утре дней дала мне талисманы,
Число их было три, и разны смыслы их.
Один меня повел в неведомые страны —
И там я в первый раз влюбленный был жених.

Другой мне изъяснил искусство завладенья
Сердцами, — я сердец покорных не сочту.
А третий мне явил тропинку нисхожденья —
Не в глубину земли: в меня, в мою мечту.

И первый талисман, смеясь, я бросил в море,
Второй швырнул в окно, — быть может,
подниму.

Но третий талисман — звезда в моем уборе,
Я верую теперь ему лишь одному.

<1905>

А. К. Бегров. Петербургская биржа
(х., м., 80×58, 1891)

Северное взморье

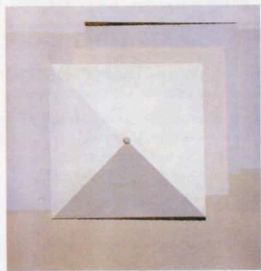
Небо свинцовое, солнце неверное,
Ветер порывистый, воды холодные,
Словно приливная, грусть равномерная,
Мысли бесплодные, век безысходные.

Здесь даже чайками даль не осветится,
Даже и тучкою только туманится,
Раковин взору на взморье не встретится,
Камешком ярким мечта не обманется.

Зимами долгими, скудными вёснами
Думы подавлены, жизнь не взлелеяна.

Море пустынное, с темными соснами,
Кем ты задумано, кем ты осмеяно?

Август 1905

Э. А. Штейнберг. Композиция
(х., м., 83×83, 1972)

Чудовище с клеймом

Я опустил свой лот. Мой лот — до дна
морей.

Я смерил глубину всех внятных океанов.
Я был во всех домах. Стоял у всех дверей.
Вкусил от меда пчел. Изведал яд обманов.

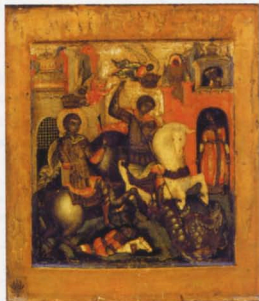
Мне имя — легион, средь гениев, чей знак —
Вопрос, всегда вопрос, повсюду вопрошанье.
Я раздвоил весь мир. Полярность. Свет
и мрак.

Вновь слил я свет и тьму. И цельным сделал
зданье.

Но жить в нем не хочу. Я знаю все углы.
Святая летопись, но на звериной коже.

Всё — безразлично что: кроты или орлы —
Чудовище с клеймом: «Всегда-Одно-
И-То-Же».

<1905>

Никита Павловец. Чудо Георгия
(дер., темп., 31×28, ок. 1670)

Святой Георгий

Святой Георгий, убив Дракона,
Взглянул печально вокруг себя.
Не мог он слышать глухого стона,
Не мог быть светлым — лишь свет любя.

Он с легким сердцем, во имя бога,
Копье наметил и поднял щит.
Но мыслей встало так много, много —
И он, сразивши, сражен, молчит.

И конь святого своим копытом
Ударил гневно о край пути.
Сюда он прибыл путем избитым.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгий, святой Георгий,
И ты изведal свой высший час!
Пред сильным Змеем ты был в восторге,
Пред мертвым Змием ты вдруг погас!

<1900>

В. А. Комар и А. Д. Меламид. Двойной автопортрет в виде пионеров. 1982—1983 гг.

Призрачный набат

Я дух, я призрачный набат,
Что внятен только привиденьям.
Дома, я чувствую, горят,
Но люди скованы забвеньем.

Крадется дымный к ним огонь,
И воплем полон я безгласным, —
Гуди же, колокол, трезвонь,
Будь криком в сумраке неясном.

Ползет густой, змеится дым,
Как тяжкий зверь — ночная чара.
О, как мне страшно быть немым
Под медным заревом пожара!

Н. А. Касаткин. Шахтерка
(х., м., 65,4×45, 1894)

Поэт -- рабочему

Я поэт, и был поэт,
И поэтом я умру.
Но видал я с детских лет
В окнах фабрик поздний свет, —
Он в уме оставил след,
Этот след я не сотру.

Также я слышал гудок —
В полдень, в полночь, поутру,
Хорошо я знаю срок,
Как велик такой урок,
Я гудок забыть не мог,
Вот — я звук его беру.

С. Т. Коненков. Текстильщица. 1923 г.
Дерево. Москва

Почему теперь пою?
Почему не раньше пел?
Пел и раньше песнь мою,
Я литейщик — формы лью,
Я кузнец — я стих кую,
Пел, что молод я и смел.

Был я занят сам собой,
Что ж — я это не таю.
Час прошел. Вот — час другой.
Предо мною вал морской,
О рабочий, я с тобой,
Бурю я твою — пою.

<Ноябрь 1905>

В. В. Лебедев. Работать надо — винтовка
рядом. 1920 г. Санкт-Петербург

К рабочему

Рабочий, странно мне с тобою говорить:
По виду я — другой. О, верь мне, лишь
по виду.

В фабричном грохоте свою ты крутишь нить,
Я в нить свою, мой брат, вкручу твою обиду.

Оторван, как и ты, от тишины полей,
Которая душе казалась могильной,
Я в шумном городе, среди чужих людей,
Не раз изнемогал в работе непосильной.

Я был как бы чужой в своей родной семье,
Меж торгашами слов я был чужой бесспорно.
По морю вольному я плыл в своей ладье —
И море ширилось безбрежно, кругозорно.

В. А. Стенберг. Рабочий у машины
(х., м., 107×107, 1920-е)

Мне думать радостно, что прадеды мои
Блуждали по морям на Севере туманном.
В моей душе всегда поют, журчат ручьи,
Растут, чтоб в море впасть в стремленьи
необманном.

В болотных низостях ликующих мецан
Тоскует вольный дух, безумствует, мятётся.
Но тот — отмеченный, кто помнит океан,
Освобожденья ждет — и бури он дождется.

Она скорей пришла, чем я бы думать мог,
Ты встал — и грянул гром, все вышли
из преддверья.

На перекрестке всех скрестившихся дорог
Лишь к одному тебе я чувствую доверье.

С. В. Чехонин. Обложка художественного
журнала «Жар-птица». 1912 г.

Я знаю, что в тебе стальная воля есть, —
Недаром ты стоишь близ пламени и стали.
Ты в судьбах Родины сумел слова прочесть,
Которых мудрые, читая, не видали.

Я знаю, можешь ты соткать красиво ткань,
Раз что задумаешь — так выполнишь,
что надо.

Ты мирных пробудил, ты труп молвил:
«Встань», —

Труп — жив, идут борцы, встает, растёт
громада.

Кругами мощными растёт водоворот,
Напрасны лепеты, напрасны вопли страха, —
Теперь уж он в себя всё, что кругом, вберёт,
Осуществит себя всей силою размаха.

И. Д. Шадр. Булыжник — оружие
пролетариата. 1905 год. 1927 г. Москва

Земля и Воля

«Земля и Воля» — крик народа,
«Земля и Воля» — клич крестьян.
«Всё — заново, и всем — свобода», —
Рабочий крикнул сквозь туман.
«Всё — заново, и всем — свобода», —
Как будто вторит океан.

Мне чудится, что бурным ходом
Идет приливная волна.
Конец — тюремным низким сводам,
В тюрьме разрушена стена.
Судьба России всем народом
Теперь должна быть решена.

Крепчает, воеет непогода,
Но ум рабочего — маяк.
В Земле и Воле — жизнь народа,
Опять душисть не сможет мрак.
Всё — заново, и всем — свобода.
Да будет так! Да будет так!

Б. Н. Яковлев. Транспорт налаживается
(дер., м., 100×140, 1923)

Русскому рабочему

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные.
Тот молот — твой. Пою тебя
Во имя всей России!

Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.
Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд, —
Острог не весь расколот.

В. И. Мухоморова. Рабочий и колхозница.
1936 г. Бронза. Москва. ВДНХ

Тебя желают обмануть
Опять, опять и снова.
Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.
Так в бой со тьмой, и грудь — на грудь, —
То — зов сторожевого.

Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи —
Лишь ты, бесстрашно-смелый, ты!
Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, рабочий!

<Октябрь 1905>

Ф. Д. Фивейский. Сильнее смерти. 1955 г.
Скульптурная группа. Санкт-Петербург

Руда

Широки и глубоки
Рудожелтые пески.
В мире — жертвенно, всегда —
Льется, льется кровь-руда.
В медном небе света нет.
Всё же вспыхнет молний свет —
И железная броня
Примет бой, в грозе звеня.
Бой за вольное житье
Грянул. Сломано копье.
И кольчуга сожжена.
А свобода — где она?
Дверь дубовая крепка.
Кто раскроет зев замка?
Сжаты челюсти Змеи,
Свиты звеня чешуи.
И пустынно-широки
Рудожелтые пески.
И безмерно, как вода,
Льется, льется кровь-руда.

С. В. Герасимов. Клятва сибирских партизан. 1933 г. Санкт-Петербург

Наш царь

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, — час расплаты ждет.
Кто начал царствовать Ходынкой,
Тот кончит, встав на эшафот.

<1906>

С. Т. Коненков. Рабочий-боевик 1905 г.
Иван Чуркин. 1906 г. Москва

Преступное слово

Кто будет говорить о слове примиренья,
Покуда в тюрьмах есть сходящие с ума,
Тот должен сам узнать весь ужас заключения,
Понять, что вот — кругом — тюрьма.

Почувствовать, что ум, в тебе горевший гордо,
Стал робко ищущим усад хоть в бездне сна,
Что стерлась музыка — до крайнего аккорда:
Стена, стена, и тишина.

Кто будет говорить о слове примиренья,
Тот предает себя и предает других,
И я ему в лицо, как яркое презренье,
Бросаю хлещущий мой стих.

<1906>

Н. А. Соколов. Золотой вечер
(х. на карт., м., 35×50, 1966)

Живая вода

Богатыри родные,
В вас светят небеса,
В вас — водные, степные,
Лесные голоса.

Вы детство укачали,
Как зимняя мятель
Качает в снежной дали
Загрязившую ель.

Вы в отрочестве жили,
Как отсвет вечных сил,
Как стебель давней были,
Который тьму пробил.

Вы юность обвенчали
С нарядною мечтой,
С глубиной печали,
С улыбкой золотой.

Е. А. Маленина. На Иссык-Куле
(карт., м., 67×90, 1970)

Когда мечта хотела
Быть в яркой зыби дней,
Вы поглядели смело,
Жар-птицу дали ей.

Когда в затон мечтанья
Вошла, как тень, печаль,
Вы сделали страданье
Прозрачным, как хрусталь.

Мгновенья потонули,
Но, жезл подъявши свой,
Вы молодость вернули
И смех — с водой живой.

И где сошлись дороги,
Ваш образ — как звезда.
Богатыри, вы — боги,
Вам жить и жить всегда.

К. П. Брюллов. Гулянье в Альбано.
1834—1835 гг. Москва

Райские птицы

На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входят смерть и страх
И не доходят великаны, —

На Макарийских островах
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут пурпуровые реки.

Там камни ценные цветут,
Там всё в цветеньи вечно-юном,
Там птицы райские живут —
Волшебный Сирин с Гамаюном.

И если слышим мы во сне
Напев, который многолирен,
В тот час в блаженной той стране
Поет о счастье светлый Сирин.

И если звоном нежных струн
Ты убаюкан, засыпая,
Так это птица Гамаюн
Поет в безвестном, голубая.

К. П. Брюллов. Нарцисс. 1819 г.
Санкт-Петербург

С ветрами

Душа откуда-то приносится ветрами,
 Чтоб жить, светясь в земных телах.
 Она, свободная, как вихрь владеет нами
 В обманно-смертных наших снах.
 Она как молния, она как буревестник,
 Как ускользящий фрегат,
 Как воскресающий отшедших в смерть ку-
 десник,
 С которым духи говорят.
 Душа — красивая, она смеется с нами,
 Она поет на темном дне.
 И как приносится — уносится с ветрами,
 Чтоб жить в безмерной вышине.

А. Е. Яковлев. Автопортрет
(дер., м., 98,3×86,8, 1917)

Он мне снился

Он мне снился призраком долгие года,
Я ждала избранника, я ждала всегда.
Я не видя помнила, верила в него,
Не могла не слушаться сердца моего.

Светлая, холодная, думала всегда,
Как о солнце думает подо льдом вода.
Он смутил мне девичьи тающие сны,
Он дышал мне воздухом лета и весны.

И пришел неведомый, близко стал ко мне,
Я была — как облачко в солнечном огне.
Он взглянул так пристально, он вздохнул едва,
Говорил мне ласково стыдные слова.

Я, не видя, помнила, светлого, его,
И душа не вспомнила больше ничего.
Чем при нем исполнилась вся душа моя,
Что он сделал с девушкой — ах, не знаю я!

В. М. Максимов. Девочка
(х., м., 31×27, 1866)

Юной кубанке

Когда я близ тебя, мне чудится Египет,
Вот — ночи Африки звездятся в вышине.
Так предвещательно и так тревожно мне, —
Фиал любви еще не выпит.

Еще касался я так мало черных глаз,
И ночь твоих волос я разметать не смею.
Я дам тебе века, царица, — будь моею,
Смотри: Вселенная — для нас!

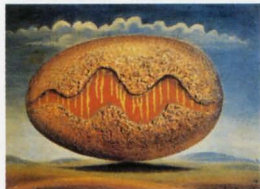

А. И. Кравченко. Пруд среди деревьев
(х., м., 70,5×51,5, 1918)

Родное

Аллеи рек. Зеркальности озер.
Хрустальный ключ. Безгласные затоны.
Живая сказка — страшный темный бор.
Его вершин немолкнущие звоны.

Воздушность ив. Цветы родных полей.
Апрельский сон с его улыбкой маю.
Я целый мир прошел в мельканьи дней,
Но лучше вас я ничего не знаю.

Ю. И. Соостер. Красное яйцо
(карт., м., 50×69,5, 1964)

Червонные святки

Святая неделя, Червонные святки,
Тут солнце — в веселии нашем сполна
Дарит нам сиянье свое без оглядки,
А ночи вещает: мол, ты не нужна.

Во всё продолженье пасхальной седмицы
Как солнце взошло — так не хочет зайти,
И долго поют нам полдневные птицы,
И долго хотят нам все травы цвести.

А. В. Пантелеев. Горлицы
(х., м., 140×160, 1969)

Облачная лестница

Если хочешь в край войти вечно-золотой,
Облачную лестницу нужно сплесть мечтой,
Облачные лестницы нас ведут туда,
Где во сне бываем мы только иногда.

А и спать не нужно нам, лишь возьми росу,
Окропи вечернюю света полосу
И, скрепивши облачко месячным лучом,
В путь иди, не думая больше ни о чем.

Л. А. Мастеркова. Композиция
(х., см. тех., 89×70, 1966)

Прощай

Мне жаль. Бледнеют лепестки.
Мне жаль. Кругом всё меньше света.
Я вижу: в зеркале реки
Печаль в туманности одета.

Зажглась вечерняя звезда —
И сколько слез в ее мерцаньях.
Прощай. Бездонно. Навсегда.
Застынь звездой в своих рыданиях.

<1905>

К. С. Малевич. На бульваре. 1903 г.
Холст, масло. 55×66. Санкт-Петербург

Орхидея

Я был в тропических лесах,
Я ждал увидеть орхидеи.
О, эти стебли точно змеи,
Печать греха на лепестках, —
Того, что здесь грехом зовется
Во мгле межданствующих дней.
О, гроздьях жадных орхидей,
Я видел, как ваш стебель вьется.
В переплетенности стволов
Друг друга душащих растений
Среди пьянящих испарений
Я рвал любовный цвет грехов.
Склонясь над чашей поцелуйной,
В раскатном рокоте цикад
Вдыхал я тонкий сладкий яд,
Лелейно-зыбкий, многоструйный.
Как будто чей-то нежный рот,
Нежней, чем рот влюбленной феи,
Вот этот запах орхидей
Пьянит, пьянит и волю пьет.
<1905>

М. З. Шагал. Зеркало. 1915 г. Картон,
масло. 100 × 81. Санкт-Петербург

Зеркало

Я зеркало ликов земных
И собственной жизни бездонной.
Я всё вовлекаю в свой стих,
Что взглянет в затон углубленный.

Я властно маню в глубину,
Где каждый воздушно-удвоен,
Где все причащаются сну,
Где даже уродливый строен.

Тяжелая поступь живых,
Пред глубию меняясь, слабеет.
Радение сил неземных
Незримо, но явственно реет.

Душа ощущает: «Тону»,
Глаза удивляются взору.
И я предаю тишину
Запевшему в вечности хору.

Д. Д. Бурлюк. Пейзаж с домом
(х., м., 73×92, 1900-е)

Из цикла «Довременная»

Ты любишь только верные слова,
Ты видишь только вечные сиянья,
Живешь, как первозданная листва,
Как первых трав роса и трепетанья.

В твоих глазах — глубинный изумруд
Волны, узнавшей зыбь и высь впервые.
Ты с нами, здесь, ты светишься — вот тут,
Но между нами — бездны вековые.

В. А. Тропинин. Кружевница
(х., м., 74,7×59,3, 1823)

Отчего?

Отчего душа болит, а уму не говорит?
Я люблю. Я люблю.

Отчего огонь в крови, хоть зови, хоть не зови?
Я люблю. Я люблю.

Отчего на небесах звезды ясные в венцах?
Я люблю. Я люблю.

Отчего из темноты дышат пьяные цветы?
Я люблю. Я люблю.

Отчего в журчании струй так и бьется поцелуй?
Я люблю. Я люблю.

Отчего к цветку цветок посылает лепесток?
Я люблю. Я люблю.

Отчего в твоих глазах и желание и страх?
Я люблю. Я люблю.

Отчего ж ты, отчего не у сердца моего?
Я люблю. Я люблю.

<1907>

А. А. Дейнека. Бег. 1932—1933 гг.
Холст, масло. 229×259. Санкт-Петербург

Погоня

Чей это топот? — Чей это шепот? —
Чей это светится глаз?

Кто это в круге — в бешеной вьюге —
пляшет и путает нас?

Чьи это крылья — в дрожи бессилья —
бьются и снова летят?

Чьи это хоры? — Чьи это взоры? —
Чей это блестящий взгляд?

Чье это слово — вечно и ново —
в сердце поет, как гроза?

Чьи неотступно — может, преступно —
смотрят и смотрят глаза?

Кто изменился — кто это свился —
в полный змеиности жгут?

Чьи это кони — белые кони — в дикой
погоне — бегут?

<1907>

К. А. Горбунов. Портрет неизвестной
(х., м., 54×41, 1849)

Люблю тебя

Poiché vivo per te sólo*.

Люблю тебя, люблю, как в первый час,
Как в первый миг внезапной нашей встречи.
Люблю тебя. Тобою я зажглась.
В моей душе немолкнущие речи.
И как мою любовь я назову?
Восторгом ли? Мученьем ли? Борьбою?
Ей нет конца, покуда я живу,
Затем что я живу одним тобою.

* Потому что живу только для тебя (итал.).

П. Т. Фомин. Весна в Малах
(х., м., 68×86, 1974)

Золотое слово

Осень обещала: «Я озолочу».
А зима сказала: «Как я захочу».
А весна сказала: «Ну-ка, ну, зима».
И весна настала. Всюду кутерьма.

Солнце золотится. Лютик — золотой.
Речка серебрится и шалит водой.
Родилась на воле, залила луга,
Затопила поле, стерла берега.

Там, где не достала, — лютик золотой,
Желтый одуванчик, — будет и седой.
Осень обещала. Помогла весна.
Ну, зима, пропала, хоть была сильна.

С. Ф. Галактионов. Озеро в парке
(х., м., 48×61, 1847)

БЫЛИНКИ

Во мне запела двойная сказка,
Я слышу в роще звенящий зов.
Зеленоглазка и Синеглазка —
Хрустальность детских двух голосов.

«Ау!» — кричу я, «Ау!» — зову я,
«Ау!» двойное звучит в ответ.
К одной спешу я, мечтой целуя, —
Беглянка скрылась, простыл и след.

Мечтой целуя, к другой бегу я,
И голос нежный уж недалек.
Но только стебель глядит, колдуя,
И синий где-то — вдали — цветок.

В. А. Серов. Похищение Европы. 1910 г.
Темпера. 71×98. Москва

Морской

Был светел — и загашен, как свеча.
Был кроток — и сожжен мой дом над бездной.
Приди же, тьма и царствие меча,
Вскипай, душа, для музыки железной.

Я сделаюсь разбойником морей,
Чтобы топить чужие караваны
Червлёных, синих, черных кораблей,
Когда они войдут в мои туманы.

И. И. Шишкин. Корабельная роща.
1898 г. Холст, масло. Санкт-Петербург

Печаль

Сквозь тонкие сосновые стволы —
Парча недогоревшего заката.
Среди морей вечерней полумглы —
Нагретая смолистость аромата.

И море вод, текущий океан,
Без усталы шумит, возвращая дюны.
О, сколько дней! О, сколько стертых стран!
Звучите, несмолкающие струны!

В. Ф. Загонек. Гроза прошла
(х., м., 170×267, 1960—1961)

Кони бурь

Ржали громы по лазури,
Разоржались кони бурь
И, дождавшись громкой бури,
Разрумянили лазурь.

Громы, рдея, разрывали
Крепость мраков — черный круг,
В радость радуги играли,
Воздвигали рдяность дуг.

Завершив свой подвиг трудный,
Ливень струй освободив,
Мир растений изумрудный
Весь прикрыли мглой грив.

И промчались в небе взрытом,
Арку радуги дожгли
И ушли, гремя копытом.
Чу, последний гром вдали.

<1910>

И. Э. Грабарь. Мартовский снег
(х., м., 80×62, 1904)

Прекрасней Египта

Прекрасней Египта наш Север.
Колодец. Ведерко звенит.
Качается сладостный клевер.
Горит в высоте хризолит.

А яркий рубин сарафана
Призывнее всех пирамид.
А речка под кровлей тумана...
О, сердце! Как сердце болит!

<1911>

А. С. Степанов. Девушка у пианино
(карт., м., 31,5×21)

Музыка

Когда и правая и левая рука
Чрез волшебство поют на клавишах двухцветных,
И звездною росой обрызгана тоска,
И колокольчики журчат в мечтах рассветных, —

Тогда священна ты, — ты не одна из нас,
А ты как солнца луч в движении тумана,
И голос сердца ты, и листьев ты рассказ,
И в роще дремлющей идущая Диана.

Всего острее поет в тебе одна струна —
Чрез грезу Шумана и зыбкий стон Шопена.
Безумие луны! И вся ты — как луна,
Когда вскипит волна, но падает, как пена.

<1913>

А. В. Устинов. Мирная марсомания
(х., м., 32,5×41,5, 1840-е)

В гостинной

Я в гостиной стоял — меж нарядных,
утонченных,
Между умных, играющих в чувства людей.
Средь живых мертвецов, меж романов
оконченных,
Я вскричал всей душой потрясенной своей:
«Есть ли где еще звери в могучем количестве?
Есть ли тигр королевский и смелые львы?
Есть ли где бегемот — в безмятежном
вечестве
Как коряга встающей из вод головы?»

Ю. Ю. Клевер. Зброшенная мельница
(х., м., 160×235, 1890)

Без предела

Снежная равнина без предела.
По краям всё лес, и лес, и лес.
Почему так стынет это тело?
Отчего напрасно ждешь чудес?

Черные и серые деревни.
Зябкое, голодное лицо.
Отчего тот голод — страшный, древний?
Кто сковал железное кольцо?

Белая равнина без предела.
Льнет мятель, снежинками шурша.
Отчего так сердце онемело?
Как же в плен попала ты, душа?

В. В. Переплетчиков. Белое море (карт.,
акв., темп., уг. к., 29,8×62,6, 1903)

Те же

Те же дряхлые деревни,
Серый пахарь, тощий конь.
Этот сон уныло-древний
Легким говором не тронь.
Лучше спой здесь заклинанье
Или молви заговор,
Чтоб окончилось стенанье,
Чтоб смягчился давний спор.

Эта тяжба человека
С неуступчивой землей,
Где рабочий, как калека,
Мает силу день-деньской.
Год от года здесь невзгода
И беда из века в век.
Здесь — жестокая природа,
Здесь — обижен человек.

Этим людям злое снится,
Разум их затянут мхом,
Спит — и разве озарится
Ночью красным петухом.

<1913>

И. И. Шишкин Полдень в окрестностях
Москвы (х., м., 111,2×80,4, 1869)

Лето

Я великое жаркое Лето,
Огнеликое чудо в дыму,
Я тепло огневого ответа,
Вопроси — всё поймешь, как сожму.

Я велю обозначиться зною, —
Многозыбкий, он виден глазам,
Я вселенскую пляску устрою
На усладу раскрытым сердцам.

Заалеется мной земляника,
Покраснеет, потупится ниц,
Переброшусь я в радость вскрика,
В загорелые лица девиц.

В. К. Каменев. Вид окрестностей города
Гатчины (х., м., 103×81, 1867)

Все побеги и ржи и пшеницы
В золотой я одену наряд,
Я скажу — заиграют зарницы,
Кое-где и деревни сгорят.

Я горячее алое Лето,
Я высокий предел всех живых.
Набирайтесь великого света,
Запевайте свой свадебный стих.

<1913>

А. А. Борисов. Весенняя полярная ночь
(х., м., 78,8×131,5, 1897)

Страна, которая молчит

Страна, которая молчит, вся в белом-белом,
Как новобрачная, одетая в покров,
Что будет тронут им, любующимся, смелым,
Несущим солнечность горячих лепестков.

Страна, которая всех дольше знает зиму
И гулкую тюрьму сцепляющего льда,
Где нет конца огням и тающему дыму,
Где долгий разговор ведет с звездой звезда.

Страна, которая за празднествами мая,
Чуть лето глянет ей, спешит сказать: «Я сплю», —
Страна великая, несчастная, родная,
Которую, как мать, жалею и люблю.

<1913>

К. С. Петров-Водкин. Купание красного
коня. 1912 г. Москва

Кто кого

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обгоню.
Я колдую. Вихри чую. Грею сбрую я коню.

Конь мой спорый. Топи, боры, степи,
горы пролетим.
Жарко дышит. Мысли слышит. Конь —
огонь и побратим.

Враг мой равен. Полноправен. Чей скорей
вскипит бокал?

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обогнал.

Январь 1915

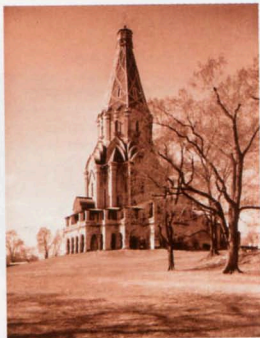
В. К. Бялыницкий-Бируля. Дни юного
мая. 1950 г. Минск

Весеннее

Меж сосен — лучисто-зеленые пятна
На травах, на нежно-весенней земле.
Уж скоро весь лес расцветет ароматно
И ласточка сказку примчит на крыле.

Своим щебетаньем рассыплет ту сказку
Лазурною вязью пролесок и сна.
Танцует весна. Уронила подвязку.
И где уронила — там сказка видна.

Она из зеленых, и белых, и синих,
И желтых, и красных, и диких цветов.
Бесчинствует леший в лесистых пустынях
И зайца с зайчихой ославить готов.

Церковь Вознесения в селе
Коломенском под Москвой. 1532 г.

Грозовым светом

Меня крестить несли весной,
Весной, нет — ранним летом,
И дождь пролился надо мной,
И гром гремел при этом.
Пред самой церковкой моей,
Святыней деревенской,
Цвели цветы, бежал ручей
И смех струился женский.
И прежде чем меня внесли
В притихший мрак церковный,
Крутилась молния вдали
И град плясал неровный.

Неизвестный архитектор.
Преображенская церковь в Киях. 1714 г.

И прежде чем меня в купель
С молитвой опустили,
Пастушья пела мне свирель
Над снегом водных лилий.
Я раньше был крещен дождем
И освящен грозою,
Уже священником потом —
Свечою и слезою.
Я в детстве дважды был крещен —
Крестом и громным летом,
Я буду вечно видеть сон
Навек с громовым светом.

Н. М. Ромадин. Свежий ветер
(х., м., 53×74, 1954)

Вопль к ветру

Суровый ветер страны моей родной,
Гудящий ветер средь сосен многозвонных,
Поющий ветер меж пропастей бездонных,
Летающий ветер безбрежности степной.

Хранитель верб свирельною весной,
Внушитель снов в тоске ночей бессонных,
Сказитель дум и песен похоронных,
Шуршащий ветер, услышь меня, я твой.

Возьми меня, развеи, как снег мятельный,
Мой дух, считая зимы, поседел,
Мой дух пропел весь полдень свой свирельный.

Мой дух устал от слов и снов и дел.
Всевластный ветер пустыни беспредельной,
Возьми меня в последний свой предел.

Н. И. Фешин. Портрет неизвестной
(х., м., 102×79, 1908)

Скажите вы

Скажите вы, которые горели,
Сгорали и сгорели, полюбив, —
Вы, видевшие солнце с колыбели,
Вы, в чьих сердцах горячий пламень жив, —

Вы, чей язык и странен и красив,
Вы, знающие строки Руставели, —
Скажите, как мне быть? Я весь — порыв,
Я весь — обрыв, и я — нежней свирели.

Мне тоже в сердце вдруг вошло копье,
И знаю я: любовь постигнуть трудно.
Вот, вдруг пришла. Пусть всё возьмет мое.

Пусть сделаю, что будет безрассудно.
Но пусть безумье будет обоюдно.
Хочу. Горю. Молюсь. Люблю ее.

12 апреля 1914

Тифлис

Е. М. Гинзбург. Бестия
(х., м., 60×80, 1970)

Из подземелья

Она пришла ко мне из подземелья,
Ничем из мира снов не смущена,
Всегда пьяна, без тяжести похмелья.

И прошипела: «Я твоя жена».
Я посмотрел с глубоким отвращеньем,
Не веря в то, что молвила она.

Она, моим не тронувшись смущеньем,
Приблизилась и подступила вплоть,
Ведовским отдаваясь превращениям.

Их дважды видеть — сохрани господь.
То грузный червь, то злая обезьяна,
То лик Яги, то вздувшаяся плоть.

Она вставала бесом из тумана,
С глазами на затылке, а к челу
Две лампочки приделав для обмана.

А. И. Лактионов. Письмо с фронта
(х., м., 225×155, 1947)

Вдруг раздвоясь, кружилась на полу, —
Дрались друг с другом эти половины
И обе выдыхали чад и мглу.

Изливши кровь, казала лик ослиный,
И пожирала розы без конца,
Дудела в трубку, била в тамбурины.

Закрыв всю стену шкурою лица,
Разъяв ее на мерзостных распяльцах,
Из черепов два сделала венца.

Перстнями гады съжились на пальцах,
В глазных щелях — в лоханке их двойной
Плясали мухи, словно в узких зальцах.

Я понял, что обвенчан я с Войной.

Март 1915

А. А. Иванов. Французский солдат
на белом коне. Санкт-Петербург

Саморазвенчанный

Он был один, когда читал страницы
Плутарха о героях и богах.
В Египте, на отлогих берегах,
Он вольным был, как вольны в лёте птицы.

Многоязычны были вереницы
Его врагов. Он дал им ведать страх.
И, дрогнув, страны видели размах
Того, кто к солнцу устремил зеницы.

Ни женщина, ни друг, ни мысль, ни страсть
Не отвлекли к своим, к иным уклонам
Ту волю, что себе была законом, —

Осуществляя солнечную власть.
Но, пав, он пал — как только можно пасть,
Тот человек, что был Наполеоном.

В. И. Суриков. Боярыня Морозова.
1887 г. Москва

Превозмогшая

Хочет меня господь взять от этой
жизни. Неподобно телу моему в не-
чистоте одежды возлечь в недрах
матери своей земли.

Боярыня Морозова

Омыв свой лик, весь облик свой телесный,
Я в белую сорочку облеклась.
И жду, да закружится должный час,
И отойду из этой кельи тесной.

Нет, не на баснях подвиг проходил,
Нет, полностью узнала плоть мытарства.
Но, восхотев небесного боярства,
Я жизнь сожгла, как ладан для кадил.

От нищих, юродивых, прокаженных, —
Не тех, кто здесь в нарядной лепоте, —
От гнойных, но родимых во Христе
Я научалась радости сожженных.

И пламень свеч в моем доме не гас.
Не медлила я в пышных вереницах.

Феофан Грек. Христос Вседержитель.
Новгород. 1378 г.

Но сиротам витать в моих ложницах
Возможно было каждый миг и час.

Но встала я за старину святую,
За правило ночное, за Того,
К кому всю роспись дела моего
Вот-вот снесу, как чаю я и чую.

За должное сложение перстов,
За верное несломанное слово
Мне ярость огнепальная царева —
Как свет, чтоб четко видеть путь Христов.

В веках возникши правильной обедней,
Здесь в земляную ввержена тюрьму,
Я всю дорогу вижу через тьму,
И я уже не та в свой час последний.

Минуты службы полностью прошли.
В остроге, и обернута рогожей,
Зарыта буду я. О сыне божий!
Ты дашь мне встать из матери-земли.

16 февраля 1915

Е. А. Кацман. Открытое окно
(бум., паст., 89×65,5, 1966)

Звездные знаки

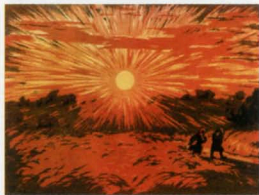
Творить из мглы, расцветов и лучей,
Включить в оправу стройную сонета
Две капельки росы, три брызга света
И помысел, что вот еще ничей.

Узнать в цветах огонь родных очей,
В журчаньи птиц расслышать звук привета,
И так прожить весну и грезить лето,
А в стужу целоваться горячей.

Не это ли Веселая наука,
Которой полный круг, в расцвете лет,
Пройти повинен мыслящий поэт?

И вновь следить в духовных безднах звука,
Не вспыхнул ли еще не бывший след
От лета сказок, духов и комет.

<1916>

В. Д. Фалилеев. Спелая рожь. 1917 г.
Гравюра на линолеуме

Что со мной?

Что́ сделалось со мной? Я весь пою.
Свиваю мысли в тонкий строй сонета.
Ласкаю зорким взором то и это.
Всю вечность принимаю, как мою.

Из черных глыб я белое кую.
И повесть чувства в сталь и свет одета.
Во всем я ощущаю только лето.
Ветров пьянящих теплую струю.

О, что со мной? Я счастлив непонятно.
Ведь боль я знаю так же, как и все.
Хожу босой по стеклам. И в росе

Ищу душой того, что невозвратно.
Я знаю. Это — солнце ароматно
Во мне поет. Я весь в его красе.

Н. К. Рерих. Сокровища снегов
(х., темп., 76×122, 1940)

Умей творить

Умей творить из самых малых крох.
Иначе для чего же ты кудесник?
Среди людей ты божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был бог.

В лугах расцвел кустом чертополох,
Он жёсток, но в лиловом он — прелестник.
Один толкачик — знойных суток вестник.
Судьба в один вместиться может вздох.

Маэстро итальянских колдований
Приказывал своим ученикам
Провидеть полный пышной славы храм

В обломках камней и в обрывках тканей.
Умей хотеть — и силою желаний
Господень дух прочтётся по струнам.

С. Ф. Колесников. На пашне
(х., м., 145,2×212, 1915)

Снопы

Снопы стоят в полях, как алтари.
В них красота высокого значения.
Был древле час, в умах зажглось реченье:
«Не только кровь, но и зерно сberi».

В колосьях отливают янтари.
Богаты их зернистые скопления.
В них теплым духом дышит умиление.
В них золото разлившейся зари.

Как долог путь от быстрых зерен сева
До мига золотого торжества.
Вся выгорела до косы трава.

Гроза не раз грозилась жаром гнева.
О, пахари. Подвижники посева.
В вас божья воля колосом жива.

<1916>

Мещерский Арсений Иванович
«Ледоход» (х., м., 35,7×53,8)

Сибирь

Страна, где мчит течение Енисей,
Где на горах червонного Алтая
Белеют орхидеи, расцветая,
И вольный дух вбираешь грудью всей.

Там есть кабан. Медведь. Стада лосей.
За кабаргой струится мускус, тая.
И льется к солнцу песня молодая.
И есть поля. Чем хочешь, тем засеи.

Там на утес, где чары все не наши,
Не из низин, взошел я в мир такой,
Что не был смят ничьей еще ногой.

Во влагу, что в природной древней чаше
Мерцала, не смотрел никто другой.
Я заглянул. Тот миг — всех мигов краше.

1916

Андрей Рублев. Троица
(дер., темп., 142×114, нач. 15 в.)

Служитель

В селе заброшенном во глубине России
Люблю я увидеть поблекшего дьячка.
Завялый стебель он. На пламени цветка
Навеялась зола. Но есть лучи живые.

Когда дрожащий звон напевы вестовые
Шлет всем желающим прийти издалека,
В золе седеющей — мельканье огонька,
И в духе будничном — воскресность
литургии.

Чтец неразборчивый, вникая в письмена,
Нетвердым голосом блуждает он по чашам.
Как трогателен он в борении спешащем.

Бог слышит. Бог поймет. Здесь пышность
не нужна.

И голос старческий исполнен юной силой,
Упорный свет лия в зов: «Господи помилуй!»

Храм Николы на Ярославовом дворище.
1113 г.

Колокол

Люблю безмерно колокол церковный.
И вновь, как тень, войду в холодный храм,
Чтоб вновь живой воды не встретить там,
И вновь домой пойду походкой ровной.

Но правды есть намек первоосновой
В дерзаныи — с высоты пророчить нам,
Что есть другая жизнь, — и я отдам
Все голоса за этот звук верховный.

Гуди своим могучим языком.
Зови дрожаньем грозного металла
Разноязычных — элина и галла.

Буди простор, и говори, как гром.
Стократно-миллионным червяком
Изваян мир из белого коралла.

М. А. Мохов. Портрет молодой женщины (х., м., 71×68, 1842)

Блеск боли

«Дай сердце мне твое неразделенным», —
Сказала Тариэлю Нэстан-Джар.
И столько было в ней глубоких чар,
Что только ею он пребыл зажженным.

Лишь ей он был растерзанным, взметенным,
Лишь к Нэстан-Дарэджан был весь пожар.
Лишь молния стремит такой удар,
Что ей нельзя не быть испепеленным.

О Нэстан-Джар! О Нэстан-Дарэджан!
Любовь твоя была — как вихрь безумий.
Твой милый был в огне, в жерле, в самуме.

Но высшей боли — блеск сильнейший дан.
Ее пропел, как никогда не пели,
Пронзенным сердцем Шота Руставели.

27 июня 1916

А. П. Лосенко. Владимир перед
Рогнедой. 1770 г. Санкт-Петербург

Неразделенность

Приходит миг раздумья. Истомленный,
Вникаешь в полнозвучные слова
Канцон медвяных, где едва-едва
Вздыхает голос плоти уязвленной.

Виттория Колонна и влюбленный
В нее Буонаротти. Эти два
Сияния, чья огненность жива
Через столетья, в дали отдаленной.

Любить неразделенно, лишь мечтой.
Любить без поцелуя и объятий.
В благословеньи чувствовать заклатье.

Творец сибилл, конечно, был святой.
И как бы мог сполна его понять я?
Звезда в мирах постигнута — звездой.

Андрей Рублев. Архангел Михаил из
деисусного чина. 1410—1420 г. Москва

Микель Анджело

Всклик «Кто как бог!» есть имя Михаила.
И ангелом здесь звался. Меж людей
Он был запечатленностью страстей.
В попораньи их его острилась сила.

В деснице божьей тяжкое кадило,
Гнетущий воздух ладанных огней
Излил душой он сжатою своей.
Она, светясь, себя не осветила.

Стремясь с Земли и от земного прочь,
В суровости он изменил предметы,
И женщины его — с другой планеты.

Он возлюбил Молчание и Ночь.
И лунно погасив дневные шумы,
Сибилл и вещей бросил он в самумы.

Львиная маска. Рельеф из Успенского
собора во Владимире. XII в.

Леонардо да Винчи

Художник с гибким телом леопарда,
А в мудрости — лукавая змея.
Во всех его созданиях есть струя —
Дух белладонны, ладана и нарда.

В нем зодчий снов любил певучесть барда,
И маг — о каждой тайне бытия
Шептал, ее качая: «Ты моя».
Не тщетно он зовется Леонардо.

Крылатый был он человеколев.
Еще немного — и глазами рыси
Полеты птиц небесных подсмотрев,

Он должен был парить и ведать выси.
Среди людских, текущих к Бездне рек
Им предугадан был Сверхчеловек.

2 июля 1916

А. А. Иванов. Ветка
(бум. на х., м., 46,5×62,5, 1840-е)

Шелли

Из облачка, из воздуха, из грезы,
Из лепестков, лучей и волн морских
Он мог соткать такой дремотный стих,
Что до сих пор там дышит дух мимозы.

И в жизненные был он вброшен грозы,
Но этот вихрь промчался и затих.
А крылья духов — да, он сваял их
В стихи с огнем столепестковой розы.

Но чаще он не алый — голубой,
Опаловый, зеленый, густо-синий, —
Пастух цветов, с изогнутой трубой.

Красивый дух, он шел — земной пустыней,
Но — к морю, зная сон, который дан
Вступившим в безграничный Океан.

И. И. Машков. Дама с контрабасом
(х., м., 240×195, 1915)

С. А. Кусевицкому, играющему на контрабасе

Я знаю, что сегодня видел чудо.
Гудел и пел священный скарабей.
Душе был слышен ясный зов оттуда,
Где зреет гром средь облачных зыбей.

Вдруг мощный жук ладьею стал скользящей,
Мелькало белым тонкое весло.
Играли струны музыкою зрящей —
И сердце пробуждалось в ней светло.

А он, колдун, обеими руками
Нам рассыпал напевный дождь колец
И, весь горя, дрожащими перстами
Касаясь струн, касался всех сердец.

И. В. Тарханов. Портрет Г. А. Куклинской
(х., м., 59×48, 1831)

Минута

Хороша эта женщина в майском закате,
Шелковистые пряди волос в ветерке,
И горенье желанья в цветах, в аромате,
И далекая песня гребца на реке.

Хороша эта дикая вольная воля:
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоих — на мгновенье, не боле, —
Та минута любви, что продлится века.

Ф. С. Рокотов. Портрет неизвестного
в треуголке. Начало 1770-х г. Москва

Ниника

Ты нашла кусочек янтаря,
Он тебе дороже был червонца,
И вскричала, радостью горя:
«Я нашла, смотри, кусочек солнца!»

Затаив желание свое,
Ты вбежала в море прочь от няни
И вскричала: «Море всё мое!»
И была как птица в океане.

Ты схватила красный карандаш
И проворно на клочке бумаги
Начертила огненный мираж
Солнечной молниеносной саги.

Ты выросла, как тополь молодой,
От смолистых капель благовонный,
И пошел, — как путник за звездой, —
За тобой — путем судьбы — влюбленный.

Я не знаю, в чем твой час теперь,
Между нами — реки, горы, степи,
Но везде в тюрьме ты сломишь дверь,
И, играя, разорвешь ты цепи.

И. Е. Репин. Крестьянин в поле. 1889 г.
Цинкография. Санкт-Петербург

Слава крестьянину

Когда ручей бежит с утесов,
Звенит в стремнине песней он.
Где утро начал Ломоносов,
Там полдень солнцем озарен.

Созвучья первых русских песен
Сложил крестьянин, а не князь.
И пусть удел крестьянский тесен,
Народ хранит с землею связь.

И колос ржи, и дуб могучий,
Чье тело входит в корабли,
И нежный сад, и лес над кручей —
Растут из Матери-Земли.

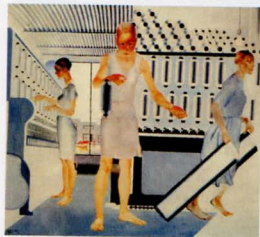
М. А. Чиков. Крестьянин в беде. 1872 г.
Мрамор. Москва

И та страна, где миллионам
Подруга первая — соха,
Невестой, в празднестве зеленом,
Весной дождется жениха.

Земля и Воля — эта свадьба,
И будет — это суждено —
Любой мужицкий двор — усадьба,
Где мысль — как веское зерно.

Народный ум не насмерть ранен,
Придет конец и мутной мгле,
И звучным голосом крестьянин
Восклицет к Матери-Земле.

22 февраля 1917

А. А. Дейнека. Текстильщицы. 1927 г.
Санкт-Петербург

Женщина

Московской работнице

Женщина — с нами, когда мы рождаемся,
Женщина — с нами в последний наш час.
Женщина — знамя, когда мы сражаемся,
Женщина — радость открывшихся глаз.

Первая наша влюбленность и счастье,
В лучшем стремлении — первый привет.
В битве за право — огонь соучастия,
Женщина — музыка. Женщина — свет.

12 марта 1917

СОДЕРЖАНИЕ

А. Блок. Бальмонт	5
Слова любви («Слова любви всегда бессвязны...»)	7
«Тебя я хочу, мое счастье...»	9
Млечный Путь	11
В непознанный час	13
Она как русалка	17
Полоса света	19
Я знал	21
Немая тень	23
До последнего дня	25
Тишина	27
«Прости!»	29
Отверженный	31
Пламя	33
Полуразорванные тучи	35
Вечер	37
«От последней улыбки луча...»	39

К Шелли	41
Равнина	43
Звезда пустыни	45
Кинжальные слова	53
В глухие дни. <i>Предание</i>	55
Ангелы опальные	59
Слова любви («Слова любви, не сказанные мною...»)	63
Среди камней	65
Я буду ждать	67
Нежнее всего	71
Рассвет. <i>Медленные строки</i> («Я помню... Ночь кончалась...»)	73
В тюрьме	79
Раненый	81
Проклятие глупости. <i>Сонет</i>	83
Уроды. <i>Сонет</i>	85
Кузнец	87
Дух волны	89
Хвала сонету. <i>Сонет</i>	93
Ожесточенному	95

От умершего к живому	97
После бала	99
Разлука. <i>Сонет</i>	103
Лесные травы	105
Аромат солнца	107
Последний луч	111
Равнина	113
«Нам нравятся поэты...»	115
К Бодлеру	117
К Лермонтову	121
Страна исседонов	123
«Мой друг, есть радость и любовь...»	127
Оттуда	129
Луна	131
Из цикла «И да и нет»	133
Индийский мотив	139
Альбатрос	141
Светлый герой	143
Вершины. <i>Медленные строки</i>	145
Мост	149
Белая страна	151

«Будем как солнце! Забудем о том...»	153
Воздушный храм	155
Рассвет («Зеленая поляна...»)	159
Влага	161
Двойная жизнь	163
Дождь	167
Завет бытия	171
Север	173
Paseo de las Delicias в Севилье	175
Не лучше ли страдание	177
Сумерки	179
Успокоение	181
Слова — хамелеоны	183
Глаза	185
Сквозь строй	187
В домах	189
Соперники	193
Ломаные линии	195
Нашим врагам	197
«Ты мне говоришь, что как женщина я...»	199
Sin miedo	201

Поздно	203
Волны	205
Ты здесь	207
Замарашка	209
Морская душа	211
«Жизнь проходит, — вечен сон...»	213
Отпадения	215
Весь — весна.....	217
Анита.....	221
Русалка	223
«Я ласкал ее долго, ласкал до утра...»	225
Играющей в игры любовные	227
«Я больше ее не люблю...»	229
«За то, что нет благословения...»	231
«Она отдалась без упрека...»	233
Поэты	235
Костры	239
Голос Дьявола	243
Incubus	245
Ad infinitum	251
Заглянуть	253

Терцины.....	255
Фра Анджелико	259
Что мне нравится.....	261
Мои звери	265
Звездный хоровод.....	269
Возвращение	273
Благовещение в Москве.....	275
Я не знаю мудрости.....	279
Снежинка	281
Золотая рыбка.....	285
Из цикла «Жемчуг» («Нежный жемчуг, Маргарита...»)	289
К Елене	291
Из цикла «Разлученные» («Прозвенит ли вдали колокольчик...»)	295
«Он был из тех, на ком лежит печать...»	297
Далеким близким	301
Старая песенка	303
Довольно	307
Подневольность	309
Болото. Прерывистые строки	313

Меж подводных стеблей	317
У моря ночью	319
Похвала уму	321
К славянам	325
Весна	327
Греза	329
В белом	333
Тень от дыма	337
Посвящение	339
Наряды Феи	341
Чары Феи	343
У чудищ	345
Как я пишу стихи	347
Зерно	349
Осень («Поспевает брусника...»)	351
Зима	353
Талисманы	355
Северное взморье	357
Чудовище с клеймом	359
Святой Георгий	361
Призрачный набат	363

Поэт — рабочему («Я поэт, и был поэт...»)	365
К рабочему	369
Земля и Воля	375
Русскому рабочему	377
Руда	381
Наш царь	383
Преступное слово	385
Живая вода	387
Райские птицы	391
С ветрами	393
Он мне снился	395
Юной кубанке	397
Родное	399
Червонные святки	401
Облачная лестница	403
Прощай	405
Орхидея	407
Зеркало («Я зеркало ликов земных...»)	409
Из цикла «Довременная» («Ты любишь только верные слова...»)	411

Отчего?	413
Погоня	415
Люблю тебя	417
Золотое слово	419
Былинки	421
Морской	423
Печаль	425
Кони бурь	427
Прекрасней Египта	429
Музыка	431
В гостиной	433
Без предела	435
Те же	437
Лето	439
Страна, которая молчит	443
Кто кого	445
Весеннее	447
Громовым светом	449
Вопль к ветру	453
Скажите вы	455
Из подземелья	457

Саморазвенчанный	461
Превозмогшая	463
Звездные знаки	467
Что со мной?	469
Умей творить	471
Сноп	473
Сибирь	475
Служитель	477
Колокол	479
Блеск боли	481
Неразделенность	483
Микель Анджело	485
Леонардо да Винчи	487
Шелли	489
С. А. Кусевицкому, играющему на контрабасе	491
Минута	493
Ниника	495
Слава крестьянину	497
Женщина	501

Литературно-художественное издание

**БАЛЬМОНТ
КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ
ЛИРИКА**

Ответственная за выпуск *В. Н. Волкова*

Формат 60×84 1/64. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,44.

ООО «Харвест».

Лицензия № 02330/0150205 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

ISBN 978-985-16-5302-3

9 789851 653023

Скан
Ewgeni23

Скан
Ewgeni23

ГПН ОЦ Московский Дом Книги

Бальмонт Лирика (мини
)

642034 Цена: 677.00

21332957064203400010

